
Евгения Стасина
НУЛЕВОЙ КИЛОМЕТР

Евгения Стасина
Нулевой километр

https://litres.ru/74713562

Аннотация

Я всегда знала, чего я хочу от жизни: богатый покровитель, лучшие рестораны и дизайнерская обувь стоят того, чтобы наступить на горло собственным принципам. И плевать, что мужчина, с которым я делю постель, годится мне в отцы, а дома его ждет заботливая жена. Такие, как я, не сворачивают с намеченного курса... пока на пути не появляется ОН. Грубый, неотесанный Максим Бирюков, который совершенно не вписывается в мою картину идеального мира. Теперь единственное, что мне остается – бороться, не поддаваясь соблазну пустить под откос все то, на что я потратила ни один год.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	33
Глава 3	39
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	76
Глава 8	86
Глава 9	94
Глава 10	101
Глава 11	111
Глава 12	125
Глава 13	136
Глава 14	144
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Пролог

- Мама! - Ярик, что есть мочи, долбит в дверь моей комнаты, призывая на помощь свою главную заступницу.

Пинает обшарпанное полотно, пронзительно взвыв от боли, и уже вполне различимо всхлипывает, подтверждая мои опасения - он сейчас разрыдается. Расплачется в голос, размазывая соленые дорожки по пухлым щекам, и, стряхнув с курчавых волос осыпавшуюся с потолка штукатурку, обязательно ударит меня своим кулачком в живот. Ярослав у нас низкорослый, весь в отца.

Я отскакиваю к окну, торопливо избавляясь от своей кофты, и прежде чем успеваю натянуть на обнаженное тело мальчишескую майку, замечаю замершую в дверях родительницу. Стоит, устроив свои неухоженные ладони на расплывшейся талии, и злобно зыркает на меня из-под слипшихся ресниц. Волосы небрежно разбросаны по плечам, на скулах черная крошка от туши, а старенький выцветший халат, чьи пуговицы грозятся вот-вот лопнуть от натуги, уродливо помялся. Мы ее разбудили.

- Срам прикрой! - едва ли не рычит, отвешивая подзатыльник выскользнувшему из-за ее спины школьнику, с нескрываемым интересом разглядывающему мои формы, и уже ищет хоть что-то, чем могла бы отходить меня по заднице. - Опять его задираешь?

- Господи! Больно надо, - закатываю глаза и не думаю стесняться одиннадцатилетнего паренька, слегка полноватого, а вкупе с этими заалевшими щеками больше похожего на перезревший томат, грозящийся вот-вот лопнуть то ли от смущения, то ли от возможности вживую созерцать женскую грудь.

Напротив, веду плечами на цыганский манер и неторопливо отыскиваю среди белья подходящий бюстгальтер. Чего он там не видел? В наше время спасать детей нужно вовсе не от бесстыжих старших сестер, а от интернета, где при желании можно полюбоваться и куда более занимательными частями тела.

- Она мою майку забрала! Новую, - тем временем жалуется предатель, возвращая себе способность говорить так же быстро, как щелкает застежка моего лучшего балконета - кружевного, слегка застиранного, но под плотной трикотажной тканью моей обновки это вряд ли кто-то заметит.

- А - ну, верни, - мама кивает на мой трофей, в который я только что вознамерилась влезть, и делает шаг вперед, всерьез веря, что ее грозный вид меня испугает.

Пожалуй, тараканы на нашей кухне выглядят куда более устрашающе, чем эта дама, носящая под сердцем очередного младенца.

- И не подумаю. Мне она идет больше.

И ведь не вру. Вновь нахожу глазами рыжего мальчугана, от возмущения раздувающего ноздри, и в сотый раз убежда-

юсь - красный ни его цвет. Уж слишком сливается с кожей.

- А дальше что? Плавки его начнешь воровать?

- Или носки, - деловито подбоченившись, Ярослав подкидывает варианты, но вот уже в ужасе округляет глаза. - Аккуратней! Она ведь новая!

А я и не думаю церемониться - дергаю бирку изо всех сил и бросаю этикетку на пол. Чистота - не мой конек. Да и в доме, где никто не зацикливается на уборке, такие таланты вовсе не нужны, ведь убирать за всеми мне просто не хватит времени.

Не обращая внимания на пылающую гневом парочку, я как ни в чем не бывало натягиваю на себя чужую майку и обвожу губы темной помадой, стараясь не вдыхать запах дешевой косметики и почерневшего яблочного огрызка, что уже третий день покоится на старом лакированном трюмо... Когда-нибудь я буду жить иначе. Главное верить, верно?

- И приберись, наконец! - заметив гримасу отвращения на моем лице, женщина хмурит брови, собирая разбросанную по кровати одежду. Вешает на спинку мои домашние брюки и отпихивает ногой ярко-розовые носки, скрученные в незатейливый клубок.

Не думайте, что мне это нравится. Скорее я слишком принципиальна, чем безнадежно ленива... В доме четыре ребенка, не считая меня, один мужчина, предпочитающий маскировать запах пота резким одеколоном, и женщина, в качестве развлечения раз в три года посещающая роддом.

Думаю, она ходит туда отдыхать. На этот раз от того же Ярика, что устраивает истерики, противясь воздержанию от мучного; от Ленки - семилетней зубрилы, постоянно о чем-то нас поучающей; и от двойняшек - Артура и Айгуль - вечно разбрасывающих по дому игрушки. Им три, возможно, поэтому к ним я отношусь равнодушно - достать меня они пока еще не успели, хоть и лишили возможности распоряжаться собственным временем по своему усмотрению. Так уж повелось: мама теряет голову от очередного ухажера, а я разгребаю последствия, беря на себя заботы о «плодах» ее любви. В учебе я, может, и не преуспела, зато подгузники меняю виртуозно.

- Мам, скажи ей! В чем я на физ-ру ходить буду?

- Можно подумать, ты там занимаешься. Есть на скамейке булки можно и в старенькой футболке, - фыркаю и машинально отклоняюсь от брошенного в меня тапка. Кто, вообще, сказал, что все толстяки божьи одуванчики?

- Кстати, - ловко ловлю в воздухе летящий в меня учебник и теперь с важным видом трясу им перед разошедшимся братом. - Займись лучше алгеброй, может, хоть калории считать научишься.

Парень обиженно надувает губы, становясь едва ли не бордовым, и тут же дергается в мою сторону, кажется, намереваясь меня уничтожить. Уж не знаю, что у него на уме, но от вида гуляющих желваков на его скулах, я начинаю заливисто смеяться.

Возможно, я неправа. Давлю на больное, развиваю в нем комплексы, раню нежную детскую душу... Только разве кто-то обещал ему, что будет легко? Жизнь, вообще, штука несправедливая... Я вот начальную школу вспоминаю с ужасом. Пусть и была довольно милой малышкой с причудливыми шоколадными кудряшками, сверстники меня не щадили. До сих пор помню, как девчонки высмеивали мое пальто насыщенного красного цвета, которое досталось мне от дочки соседки.

- Сколько раз говорила?! - а вот от маминой руки увернуться не так-то и просто. - Перестань его обзывать!

У нее многолетний стаж матери-одиночки, а совладать с этой малышней без пары-тройки шлепков по мягкому месту вряд ли удастся. Потираю плечо, замечая бледную отметину на загорелой коже, и бросаю обиженный взгляд на обозленную хозяйку.

- Сама жирная!

- Ярик! - мамин крик действует на него успокаивающе, поэтому свою затею оставить на моей талии несколько синяков он бросает. - Отдай ребенку майку.

- Нет. Мне идти не в чем. Мою армяне разрисовали.

- Их отец татарин! Перестань надо мной издеваться!

- Да хоть испанец, факт остается фактом - майку у Рыжего я забираю! - упрямо приподнимаю подбородок и демонстрирую брату средний палец.

Если можно не любить кого-то до скрежета зубов, то это

наш с Яриком случай. Я презираю его за слабость и вечные жалобы, а он, подражая отчиму, критикует мой образ жизни, не слишком-то стесняясь в выражениях.

Хватаю сумку, ловко запихиваю в нее необходимые вещи и оттесняю плечом подростка, привалившегося спиной к комоду с бельем. Лакированному, с жуткими царапинами на темном дереве, оставленными неуклюжими грузчиками, уронившими его при переезде в бабушкину трешку.

- Куда это ты собралась? Кто с детьми останется? Я же тебя просила на субботу ничего не планировать!

- Этот твой, - брезгливо морщусь, вспоминая о мамином кавалере, в эту самую минуту разложившем свои телеса на продавленном диване.

- Жора не может! Он с ночи! - знакомые истеричные нотки уже проскальзывают в ее голосе, ведь мы обе знаем, что он никогда не станет приглядывать за чужими детьми. Ходит по дому, делая вид, что их и нет вовсе, а если и замечает, то непременно хватается за ремень: широкий, с огромной металлической бляшкой, способный удержать его брюки на внушительном животе.

- Знаю я его ночные смены. Весь зал пивом провонял.

- Замолчи! Он еще от прошлой вашей ссоры не отошел, - шипит, одергивая меня за руку, когда я тянусь к своей сумке. - Не смей уходить! У меня последняя смена - потом нагуляешься!

- Когда потом? Я выдохнуть не успеваю: одни из памп-

сов вырастают, а ты уже следующего мне под нос суешь! Я тоже человек, мама! И тоже хочу отдыхать.

- Посмотрите, какая страдалица! - театрально хлопнув в ладоши, женщина насмешливо надувает губы. - А мне легко такую ораву кормить? И ничего, не жалуюсь!

- Потому что сама эту ораву и наплодила! Так что прости, сегодня вы как-нибудь без меня...

- Много ты понимаешь? Давно взрослая стала, чтобы мать учить? Юлька! - проворно обходит меня, отрезая путь к выходу, и понижает голос, опасаясь, что отчим подслушает наш разговор. - Один вечер и ты свободна, как ветер в поле! Хоть с Мишей своим на машине катайся, хоть с тем худым блондином в кино иди.

Смотрит на меня с надеждой, даже руки складывает, умоляя сжалиться, а я словно и не замечаю. Качаю головой, размахивая ладонью, чтобы она, наконец, отошла, и упорно игнорирую Айгуль, прижимающую к груди безногую куклу. В этом платье с медведем, с белыми бантиками, которые ей наверняка повязала Ленка, она прекрасна. Только никакого желания до поздней ночи возиться с неугомонным ребенком я в себе не нахожу.

- Рыжий пусть сидит, - разве не выход? Я была немногим старше, когда на меня возложили почетную миссию подтирать ему сопли.

- Вот еще. Их ведь кормить нужно, и горшки выносить! Нет, - мальчишка бледнеет, а мама уже многозначительно

глядит на меня. Еще и кивает для пущей убедительности - мальчишка не справится.

- Господи! Да сколько можно? Когда это кончится?

Им меня не жаль. Не жаль моих сил, что я потратила на охмурение своего одногруппника, с которым через два часа должна встретиться в кафе. Красивый, крепкий, уверенный в себе и что самое важное - богатый. Абсолютная противоположность всем тем, кто обивает мои пороги, задаривая шоколадом.

- Ну, Юль, - уже мягче, словно и самой стыдно, что из-за нее мои планы летят в тартарары.

Я молчу, отвернувшись к окну, и нервно отстукиваю ногой по дощатому полу. Любуюсь плавным покачиванием кустарников, разросшихся у подъезда, прислушиваюсь к городскому шуму и глубоко вздыхаю, кажется, уже готовая сдаться.

- Ты Лиду-то пожалей, - до этой самой секунды. Оборачиваюсь, когда Жора нарушает минутную тишину своим басом, и цепляюсь глазами за его мозолистые ладони, любовно поглаживающие мамин округлившийся живот. Руки у него черные от мазута, а ноготь на среднем пальце окрашен в иссиня-черный цвет после того, как он случайно отбил его молотком.

- Сколько себя помню, она постоянно беременна. Никакой жалости не напасешься, постоянно за этим детским садом следить!

- Вишь, какая! - наступает на меня мамин сожитель, аккуратно оттесняя даму своего сердца в сторону. - Тебя кто научил так с матерью разговаривать?

- Вот только давай без нотаций, - намеренно «тыкаю» и хватаю за ухо брата, вознамерившегося умыкнуть из моего кошелька последние деньги. - Если тебя подмывает взяться за чье-то воспитание, начни с него. Он не в первый раз у меня подворовывает. А я уж без вас разберусь, не маленькая уже.

Девятнадцать. Не слишком ли поздно для разъяснительных бесед и показательной порки?

В последний раз оглядываю себя в зеркале и, нацепив на лицо беззаботную улыбку, разворачиваюсь к двери, всерьез намереваясь отстоять свое право на вечер вдали от этого сумасшествия: уже слышу, как малышня гремит ящикам, наверняка в эту минуту разбрасывая по полу разную мелочевку.

- Двигайтесь, - подгоняю замерших на пороге родственников, - меня уже Ленка ждет.

Словно по заказу из открытой форточки доносится сигнал автомобильного клаксона, а вслед за ним слегка хрипловатый голос моей подруги разносит по округе звуки моего имени, эхом оседая где-то в кронах цветущей черемухи.

- Никуда ты не пойдешь.

Дядя Жора настроен решительно. Надвигается на меня, жестом призывая мою мать к молчанию, и уже указывает Ярику на дверь.

- Останешься как миленькая. Я сутки не спал, так что не переломишься с детьми посидеть. Они все-таки тебе не чужие...

- В отличие от тебя, верно?

- Юля! - мама испуганно морщится, закрывая рот ладошкой, и округляет глаза, виновато уставившись в лицо своего мужчины.

Георгий Голубев ее шестая попытка обрести женское счастье и перечить ему она мне не позволяет. Боится, что подобно многим, однажды и он хлопнет дверью, стерев из памяти ту заботу и ласку, что она щедро ему отдает... Глупая! Об этом нужно молить небеса, ведь брак с обрюзгшим забулдыгой - это финиш. Жирный крест на ее и без того несладкой жизни.

- Ты мне еще похами! Не посмотрю, что не школьница - быстро на место поставлю! И вещи малому отдай. Вырядилась, как ни пойми кто! - я вздрагиваю, когда мужские пальцы сминают ткань алкоголички, выставляя напоказ светлое кружево поролоновых чашечек, и недовольно хмурю лоб, отворачиваясь от бьющего в ноздри кислого запаха дешевого пива. Хватать меня - его излюбленный метод устрашения. - Не надоело семью позорить? Соседи только и говорят, что о твоих ухажерах, которых ты меняешь как перчатки!

- Интересно, в кого бы это я такая уродилась? - не могу не вставить шпильку, наперед зная, что мои слова заденут обоих.

Обычно, болтливые старушки, оккупировавшие лавку, вывалив на меня ушат грязи, непременно добавляют: «Вся в мать». Хотя здесь я бы поспорила - мы с ней совсем не похожи. От природной красоты Лидии Голубевой почти ничего не осталось. В тридцать девять я бы дала ей все пятьдесят: взгляд потух, вокруг глаз залегли морщинки, щеки сияют румянцем лишь благодаря обильной порции румян, плечи осунулись, а талия... Нет ее, даже тогда, когда она берет передышку между родами. И виной тому вовсе не изматывающий график, дети, отнимающие последние силы, катастрофическая нехватка денег... А мужчины, которых она так необдуманно выбирает. Отдает всю себя, а взамен не получает ничего - последний мало того, что пьет, так еще и руки распускает.

- Ты мать не приплетай! - рычит, обнажая пожелтевшие зубы. - Что ты без нее можешь? Кроме как хвостом крутить, ничего не умеешь.

- И пусть. Я, может быть, и легкомысленна, зато ноги об меня вытирать никому не позволяю... И вот так, - обвожу пальцем круг над своей головой, - жить точно не буду.

- Да что ты? - застывает, странно оскалившись, и оставляет в покое мягкую материю мальчишеской майки. Оглядывается и вот уже вновь полосует меня своим недовольным взглядом: цепким, с нездоровым блеском и легким прищуром. Словно только что мужчина нашел выход из положения...

- Жора! - даже на мамин крик не реагирует и уже волочет меня в коридор, вцепившись в волосы на моей макушке. Так сильно тянет за хвост, что глаза против воли заволакивает слезная пелена. Мне не страшно, но определенно больно...

- Надоела! Сил больше нет! - отпихивает жену, освобождая нам путь в прихожую, и уже демонстрирует кулак Ленке, высунувшей нос из кухни. - Я с тобой и так и этак, а ты зубы скалишь! Только и знаешь, что огрызаться, да деньги из Лидки тянуть!

- А сам-то, - бью его по голени, но даже это не помогает в моей борьбе за свободу. - Мама! Скажи ему...

- Все, Юлек, лавочка прикрыта. Дуй работу ищи, квартиру снимай, приличную, под стать твоей королевской заднице. А я тебя терпеть больше не намерен, - уже и ключ проворачивает, с силой толкая старую, оббитую дерматином дверь.

- А учеба?

- А плевать я хотел! Мужика себе найди, пусть он о тебе заботится. А у нас и без тебя проблем хватает. Ребенок вон скоро родится. Мне лишний рот тут не нужен. Проку от тебя никакого, - выталкивает меня на лестничную клетку и протягивает джинсовую куртку, грубо стянутую с вешалки.

Теперь я смотрю на маму, сжавшуюся за спиной моего отчима и от вида ее бледных щек, поджатых губ, с которых не слетает ни слова, что-то внутри меня обрывается. В ней мне поддержку искать не стоит, муж ведь важнее...

- А сюда дорогу забудь, - Георгий плюет мне в лицо свое

напутствие и заставляет вздрогнуть от внезапно прилетевшей в меня сумки. Небольшой. В ней лишь одно платье...

Боже! До прихожей мы с Жорой никогда не добирались - спорили, огрызались, открыто оскорбляли друг друга, не скрывая ненависти... Но стоять посреди лестничной клетки с растерянным видом мне еще не доводилось.

- Эй! - пинаю дверь, привалившись спиной к гладкому дереву, краска с которого давно облупилась. - Из-за майки?! - бросаю вопрос в воздух и вперяюсь взором в грязный потолок подъезда, продолжая сыпать ударами.

- Да, бросьте! Мама! - хнычу, не обращая внимания на присутствие соседки, прибежавшей на шум. - Я посижу, слышишь! Хоть каждый день с ними нянчиться буду! У меня ведь учеба...

Сессия не за горами, какая работа?

- У меня, кроме вас никого нет! - теперь всхлипываю, убедившись, что ключи мои остались на злополучном трюмо, рядом с яблочным огрызком и косметичкой. - Куда я пойду?

Сердце пропускает удар, когда родное лицо выглядывает в узкую щелку приоткрытой двери, и внутри уже зарождается крохотная надежда. Я подаюсь вперед и смахиваю соленую горошину со щеки, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу: почему мама не снимает цепочку с замка?

- Держи, - торопливо пихает мне в ладонь тысячную купюру и опасливо озирается назад. В сторону зала, откуда доносится ворчанье Голубева. - Успокоится, позвоню. Юлька,

ну ведь просила же...

Качает головой, словно я заслужила оказаться на улице, и вновь отгораживается от меня дверью. Я за бортом.

***

Я промокла. Продрогла до самых костей, но так и не решаюсь сдвинуться с места. Начало девятого, а на улице не души...

- Ну чего ты сидишь?! - высунувшись в форточку, Ярик грозит мне кулаком, даже не пытаясь скрывать улыбку.

Ликует, наверняка предвкушая переезд в мою комнату: станет прятать соленые крекеры под подушку, изрисует обои, словно ему не одиннадцать, а от силы три, и непременно покажет своим недалеким дружкам, какое белье я прячу под облегающей одеждой...

- Тебе-то что? - даже встаю, подходя ближе, и жалею, что не смогу дотянуться до окна, чтобы свернуть шею этому бессердечному болвану. Мир стал бы чище без Рыжего - ничего хорошего из него не выйдет.

- А мне без разницы. Это мама попросила тебя прогнать. Говорит, нечего соседям глаза мозолить!

Отлично! Ей стыдно не передо мной, она боится осуждения старых перечниц! От злости даже зубы сводит, ведь стоит брату закончить свою речь, женщина, чьи руки когда-то качали мою колыбель, отводит в сторону тюль и машет ладонью, недвусмысленно намекая, что мне не мешало бы отсюда убраться. Нет в ней ничего святого. Не человек, а чертова

машина по производству никому не нужных детей.

- Вот как? Так передай ЭТОЙ, - тычу пальцем в хозяйку квартиры, намеренно повышая голос, - что никуда я уходить не собираюсь! Это и мой дом тоже! И буду кричать на всю улицу, что родная мать меня на порог не пускает!

К Ленке сегодня нельзя. Ее родители уже косо на меня смотрят, ведь моя ночевка растянулась на целую неделю. Неделю! Моему отчиму не хватило семи дней, чтобы перестать мнить себя королем положения?

- А если что-то не нравится, вызывайте полицию! Пусть они разбираются, почему я не могу вернуться в свою комнату! - складываю руки на груди и уверенно разворачиваюсь на пятках, собираясь усесться на горемычную лавку. Пусть потеряют сон, лежа в своих теплых постелях, осознавая, на какие страдания обрекли ни в чем не повинного человека!

- Дура! - впрочем, Ярик вряд ли станет переживать. Попадает своим яблочным огрызком прямиком мне в макушку и ржет во весь голос, когда я возмущенно вперяюсь взглядом в его довольное лицо.

Нет в них никакого сочувствия.

Ощущаю, как гнев подчиняет себе мое тело и прежде, чем успеваю подумать, хватаю с земли камень, размером с небольшую картофелину. А застываю истуканом только тогда, когда битое стекло осыпается на асфальт...

- Сдурела?! - мама даже зонтик взять не догадалась. Выбежала на улицу прямиком в дырявой футболке и теперь за-

махивается на меня вафельным полотенцем, которое наверняка прихватила случайно. - Зараза! Кто теперь будет его вставлять?!

- Твой Жора! - злюсь ничуть не меньше и подхожу ближе, отбирая мокрую тряпку, которой она пытается меня отлупить. - Он ведь у тебя мастер на все руки! не мужчина, а клад! Ради такого не грех и от собственной дочери отказаться!

Обидно ли мне? До ужаса. Признаю, что никогда не была идеальной, доставляла ей хлопоты и порою высказывалась слишком резко... Но это не повод! Не повод прогонять меня как собаку, в дождь, без права на помилование.

- Много ты понимаешь?! Что я в жизни-то видела? Впервые встретила кого-то, кто меня по-настоящему любит, а ты только и делаешь, что все портишь!

- Порчу? - даже голос садится от такой явной неблагодарности. - Это ты мне говоришь? Человеку, который с самого детства в ущерб собственным желаниям подтирает носы твоим детям? Когда Голубев убежит, ты к кому приползешь?! Ты ведь толком-то и не знаешь, как с детьми обращаться! Если б не бабушка, ты бы даже со мной ни справилась! А что уж об остальных говорить!

- Да с тобой возни больше, чем с тем же Артуром! - в ход идут кулаки: хватает меня за куртку, неуклюже семеня следом, и, что есть силы, встряхивает, словно это поможет меня отрезвить. - Здоровая уже, кобыла! А до сих пор с моей шеи

слезть не можешь! Да если б не ты, я бы жила сейчас иначе! Все мужики разбегаются, стоит тебе свой рот открыть!

Значит, вот как... Это они от меня бегут, а не от Лиды, что душит их своим вниманием. Вцепляется зубами и ходит за ними по пятам, влюбленными глазами заглядывая в рот...

- Не пущу, Юлька! Что хочешь делай, но домой не вернешься!

- Это еще почему?

- Мне скоро сорок! Георгий мне прямо сказал: «Выбирай. Либо мы, либо Юлька твоя!».

- И что же... - теряюсь, больше не испытывая дискомфорта ни от этой прилипшей к телу одежды, ни от волос, что растрепались и теперь лезут в рот, мокрыми прядями облепив побледневшие щеки. Ноет что-то внутри. Так протяжно, что и не поймешь, дождь ли это сейчас скользит по лицу, или слезы, что я так и не смогла удержать.

- Работу найди.

- С института попрут...

- Курсы окончи. Не знаю! - восклицает, разговаривая со мной, как с несмышленым ребенком. А я именно он и есть! Ничего не умею, разве, что парням головы кружить, да хамить всем и каждому...

- Начни, наконец, сама о себе заботиться! У меня в твоем возрасте уже ты была! - и муж, который пахал, как лошадь, чтобы нас содержать. Может, поэтому он и ушел? Может, я и его раздражала? Глупости... Я была вполне сносной...

- Или к отцу езжай. Пусть хоть раз что-то для тебя сделает! Не все же мне тебя кормить. Тебе волю дай, до старости с меня не слезешь.

- Мама, - такое слово просто, а язык словно распух...

Вскидываю голову, встречаясь взглядом с глазами цвета выдержанного коньяка, и болезненно морщусь, не находя в них былой теплоты. Да кого я обманываю? Она и прежде с любовью на меня не смотрела.

- Прости, Юлька, - вздыхает, выпуская темную от влаги ткань, и уже отводит назад мои волосы.

Ведет ладонью по плечу, разглаживая куртку, и словно только сейчас опомнившись, поднимает голову к небу: серому, мрачному, отяжелевшему от удерживаемой тучами воды. Вот бы прямо сейчас оно рухнуло на Землю и избавило меня от необходимости раз за разом прокручивать случившееся.

- Жора сегодня в ночь. Вещи собирай и езжай в Столицу. Адрес дам и денег на первое время - я на коляску откладывала, - только вымолвила, а руки ее своей жизнью живут: гладят живот по часовой стрелке, словно иначе просто не могут.

Вот как?! Как можно забыть о своих инстинктах, когда внутри тебя бьется маленькое сердечко? Разве не должна она за меня стоять? Горой, чтобы ни один человек не посмел даже помыслить, что можно меня обидеть?

- Что же ты... - не вопрос это, а она все равно отвечает:

- Полюбишь, поймешь.

Нет, уж. Увольте. К черту такую любовь, когда ты от соб-

ственной дочери отказаться готова...

Глава 1

Три года спустя

Мы становимся теми, кем мы являемся, вовсе не благодаря книгам и воспитанию. Можете тоннами поглощать труды выдающихся авторов, выписывать в блокнот наиболее звучные выражения, призывающие вас оставаться людьми, но в конечном итоге столкнувшись с несправедливостью, все они окажутся лишь набором красивых слов. Толку от них никакого...

Это просто надо принять: в этом огромном мире, с его бешеным темпом, нескончаемым потоком машин, с высотками, пришедшими на смену стареньким пятиэтажкам, каждый сам за себя. Людям нет дела до ваших печалей, и чем дольше вы будет уповать на звезды, верить в судьбу и предначертанность каждого события, тем глубже будете вязнуть в болоте, что рано или поздно накроет вас с головой. Так что, отбросьте свое благородство, моральные принципы и человечность, ведь иначе в этих джунглях не выжить.

- Нет, - притворно улыбаюсь, разыгрывая любезность, и делаю вид, что платье мне совсем не понравилось.

А это довольно трудно: бордовое, из невесомого шелка с камнями на лифе, что непременно подчеркнул бы красоту моей груди.

- Мне бы что-то более сдержанное...

Неловко завожу прядь за ухо, машинально вцепляясь в свою неприлично короткую юбку, которую тут же стараюсь спустить пониже, и намеренно не смотрю на продавщицу, наверняка пребывающую в недоумении. Я и глухие блузы явно не сочетаемся, это же очевидно!

- Тогда, может быть, черное? На складе как раз есть ваш размер, - бросает, возвращая на место забракованный мной наряд, и уже мчит к двери, расположенной позади массивной каменной стойки.

Тихомирова постаралась! Здесь есть чему восхититься: стены цвета морской волны украшают бра в форме пухлых женских губ, посреди бутика три мягких пуфа, на пару тонов темнее напольной плитки, а стенды с бижутерией и вовсе заставляют мое сердце пропустить удар.

- Нравится? - голос у Светы низкий, почти мужской. Что как-то не вяжется с образом натуральной блондинки, пережившей уже ни одну подтяжку.

- Очень, - не знаю, уместно ли улыбаться, когда женщина лет пятидесяти метает молнии своими глазами, но все же не могу скрыть своей радости, что эта встреча, наконец, состоялась. С ботоксом она переборщила. - Немного старомодно, но что поделать, не все же идут в ногу со временем.

Я выслеживала ее целый месяц. Скупила здесь добрую половину тряпок, пусть и весьма недурственных, но совершенно ненужных; обедала в ресторанах, где жена Руслана так часто встречается с подругами, и даже караулила ее у ворот

особняка - величественного, из белого камня - но все оказалось тщетным.

- Чем-то могу помочь?

Можешь, только в лоб о таком не просят.

- Наверное. Хотела новое платье, но сейчас вижу, что ничего подходящего мне здесь не найти, - обхожу разделяющий нас стеллаж и намеренно отворачиваюсь, давая ей оценить меня со всех сторон.

Упиваюсь своим превосходством, ведь даже сотня косметических процедур не лишила мышцы ее лица возможности выдавать напряжение. Завидует. Знает, что со мной никогда не сравнится.

- А вот белье неплохое. МОЙ, - намеренно выделяю это слово, - мужчина любит, когда я надеваю кружево.

- Правда? - брезгливо передернув плечами, она жестом прогоняет прочь свою помощницу, только что отыскавшую в закромах склада необходимый туалет.

- Правда. Вы ведь знаете этих мужчин: чем старше становятся, тем больше внимания уделяют деталям. Руслан может смотреть на меня часами, - плевать мне на ее чувства. Меня мои заботят, поэтому жалость отодвигаю в сторонку. Прикладываю к груди полупрозрачный бюстгальтер-бандо и победно улыбаюсь, когда она вырывает из моих рук не самое лучшее из своих творений.

- Думаете, ему не понравится? - даже не дергаюсь, невозмутимо взирая на соперницу.

Даму, преградившую мне путь к заветной цели - мой безымянный палец до сих пор пустует, а обещаниями Тихомирова я, кажется, сыта по горло. Не для того я два года ублажала банкира, чтобы довольствоваться жалкими крохами.

- Стерва! - замахивается, ничуть не смущаясь покупателей, что уже удивленно наблюдают за нашей парой, но так и не касается моей щеки своей ледяной ладонью.

- Лишнее это, Светлана, - киваю ей за спину, продолжая удерживать за запястье, и отпускаю только тогда, когда взгляд ее становится осмысленным. - Не будем же мы устраивать шоу, чтобы завтра все газеты писали об известном дизайнере, что пыталась оттаскать за волосы любовницу своего мужа.

Морщится. Боже, да мне самой это слово не нравится!

- Зачем пришла?

- Поговорить. Два года жду, когда же вы проявите инициативу, а вы все отмалчиваетесь. Неужели не обидно? - и, правда, не понимаю.

Я перепробовала все: брызгала рукав его пиджака своими духами, оставляла отпечатки помады на отвороте рубашки, собирала волосы со своей расчески, пытаясь запрятать парочку под ворот зимнего мужского пальто. Даже свои лучшие трусики, расставание с которыми до сих пор переживаю болезненно, прятала в один из его карманов. Так что либо она чересчур невнимательна, либо наш с Русланом роман теперь обсуждает прислуга, что наверняка осталась под впе-

чатлением от моих кремовых прозрачных плавок...

- Ну, говори, - прочистив горло, она тянется к своей сумочке и достает сигарету, нервно щелкая зажигалкой. - Только давай покороче. У меня дел невпроворот.

- Тогда, не буду ходить вокруг да около: я хочу, чтобы вы подали на развод.

- На развод? - ошеломленно округляет глаза и уже тушит туфлей упавший на пол окурок.

- Именно. Руслан слишком добр, - стараюсь говорить тише, ведь зеваки нет-нет, да поглядывают на нас, подбираясь все ближе: одна стоит за моей спиной, делая вид, что решает, какая сорочка ей подойдет больше, другая на расстоянии метра. Рядом с вешалкой, забитой разнообразными брюками.

- Он понимает, что своим уходом способен причинить вам боль, поэтому все никак не решится положить конец этому фарсу.

- Мы вместе пятнадцать лет! Ты хоть понимаешь, с кем говоришь?

- Тем более. Все, что вы хотели от него получить, уже давно у вас в кармане. Не пора ли уступить дорогу молодым? - приподнимаю бровь и принимаюсь разглядывать эту пылающую гневом женщину.

Наверное, в молодости она была ничего: длинные ноги, округлые бедра, пусть и не такие подтянутые, чтобы мужчины сворачивали головы; грудь обновленная, ведь мне доподлинно известно, что Руслан оплатил ей операцию.

линно известно, что делала она ее в декабре. И глаза, красивые, цвета увядающих листьев.

- Он тебе в отцы годится, - пятьдесят три. Крепкий, высокий блондин с пробивающейся сединой на висках. - Неужели, жажда денег настолько опьяняет, что в свои двадцать с небольшим ты готова делить постель со стариком?

- Какой же он старик, Света, - насмешливо выгибаю бровь и все-таки снимаю со стенда бирюзовый комплект, что заприметила пару минут назад. - Молодому фору даст. Если хорошенько разжечь в нем огонь. И это, - демонстрирую выбранную вещицу, - сегодня как раз мне пригодится.

Разворачиваюсь, уверенно следуя к пустующей кассе, и, устроив локти на холодной столешнице, машу рукой, подзывая хозяйку.

- Обслужи, раз уж прогнала продавщицу.

- И да, - принимая пакет, прикладываю указательный палец к губе, словно вспомнила нечто важное. - К ужину мужа не жди. Перед таким бельем он точно не устоит.

Вы спросите, зачем я пришла? Виною банальная усталость: терпеливо ждать у моря погоды не в моих правилах. Не хочу тратить лучшие годы на человека, который в определенный момент просто исчезнет из моей жизни, предпочтя молодой красивой подружке хоть и потрепанную, но проверенную годами жену. А это непременно случится, если сложить свои лапки и позволять Тихомирову и дальше вешать мне лапшу на уши.

Я встретила его через год после того, как последовав маминому совету, отправилась покорять Москву. Жесткую, беспощадную, через мелкое сито просеивающую стремящуюся в Столицу лимиту вроде меня.

Ни секунды не потратила на раздумья, когда приятный, пусть и немолодой мужчина опустился на соседнее кресло за столиком, что я так неосмотрительно заняла - солнце безжалостно опаляло меня своими лучами сквозь французское окно, и мне постоянно приходилось стирать испарину с кожи салфеткой. Сел молча и, вальяжно развалившись на соломенном стуле, задумчиво изучал мое покрасневшее от зноя лицо. Больше смотрел в глаза, не спускаясь ниже к декольте, которое на выбранном мной сарафане почти не оставляло места для полета фантазий - все как на ладони, любуйся, главное, не вздумай касаться. Руслан не дернулся даже тогда, когда суетливый официант поставил перед ним чашку ароматного кофе. Все так же подпирал подбородок и то и дело потирал гладковыбритую кожу над губой своим указательным пальцем - маникюром мужчина не брезговал.

- Хороша? - глянула с вызовом, перебрасывая завитые локоны за спину, и начала выводить ноготком витиеватые узоры на обнаженном плече.

Нетрудно догадаться, что он ответил.

- Домой, - не слишком-то приветливо отдаю команду своему водителю и прикрываю веки от удовольствия, едва сбрасываю с ног свои вульгарные туфли. Когда я в последний раз

надевала кеды?

“ В другой жизни”, - подсказывает мое подсознание, заставляя картинки из прошлого замельтешить перед взором: ржавые трубы в пропахшем сыростью и белизной туалете, вечно текущий бочок и облупившаяся побелка; ванная, дно которой даже не желтое, а темно-коричневое, ведь слой эмали давно стерт всевозможными губками; тесная кухонька со скворчащими на плите окунями... Два раза в неделю мама подрабатывала в рыбном отделе и не стеснялась тащить домой списанную к вечеру продукцию. Вот где-то там, где в моем распоряжении не было четырех комнат, мансарды и собственной гардеробной, там Юля Щербакова носила прохудившиеся кроссовки. До сих пор помню, что на пятке левого башмака была приличная дыра, и в дождь он неминуемо пропускал влагу...

- Чего вылупился? - ловлю своего шофера на беззастенчивом разглядывании, но поправлять свою юбку не тороплюсь. Вовсе не мои обнаженные бедра привлекают этого пенсионера. - Не стесняйся, я открыта для дискуссий.

Он меня ненавидит. Работает на Руслана лет десять и то и дело морщится, даже не пытаясь скрывать своего недовольства, когда мой благоверный возлагает на него почетную миссию катать меня по магазинам. И это не может не раздражать: где он, а где я?

Наверное, отчасти, именно Леня виноват в моем настойчивом желании прибрать к рукам его баснословно богато-

го начальника. Ведь я не раз представляла, как теплым, ясным, безветренным утром брошу в усатое лицо шофера всего лишь два слова: “ Ты уволен! ” Ради этого стоит немного попотеть.

- Молчишь? - трус. - Вот и крути баранку. За это тебе и платят.

Отворачиваюсь к окну, блаженно улыбаясь, и впервые за последние месяцы верю, что до долгожданной победы осталась лишь пара шагов. Такие как Света унижения не прощают. Куда проще поддерживать иллюзию счастливого брака, не встречаясь лицом к лицу с той, что давно оттеснила тебя на задний план... Уж я бы вряд ли смогла: уничтожила бы любого, кто посмел посягнуть на то, что принадлежит только мне.

- Зря вы так, Юлия Константиновна, - все-таки не сдержавшись, вставляет свои пять копеек Леонид. - Шефу это не понравится.

Не грубит, но голос буквально звенит от злости. Зачем Руслан, вообще, приставил его ко мне? Неужели в огромном штате его сотрудников не найдется хотя бы одного достойного человека? Того, кто не станет перемывать мне кости за спиной, не будет перечить, критикуя предложенный мной маршрут, и уж точно никогда не отважится учить меня жизни. Ему бы своей заняться не мешало.

- А с каких это пор тебе позволено лезть в дела начальства? - даже вперед подаюсь, пользуясь тем, что наш Лексус

притормозил на светофоре.

Во время движения я стараюсь молчать - не хочу, чтобы этот человек с нездоровым цветом лица и жуткой бородавкой на скуле случайно отвлекся от дороги, и медики потом отскребали меня от асфальта. Намеренно выключаю магнитолу, и теперь смотрю ему прямо в глаза - тусклые, с полопавшимися сосудами от огромного количества сигарет, что он выкуривает, дожидаясь меня на парковке. Сколько раз просила, не дымить в моем присутствии?

- Знай свое место, Костров. Иначе пополнишь ряды таксистов.

- А вы мне не хозяйка. Не вы нанимали, не вам увольнять, - говорит прежде, чем успевает подумать, и цепляется взором за пальцы, покоящиеся на руле.

Видите? Будь я Тихомировой, он бы даже не пискнул!

- Посмотрим, - надеюсь, от ледяных ноток в моем голосе хоть парочка седых волосков на его поредевшей макушке, но шевельнулась. Пожалуй, я знаю, что попрошу в подарок на свой день рождения...

Глава 2

Оказаться за бортом пусть и старенькой прохудившейся лодки, уже давно давшей течь - ощущение не из приятных. Ты либо сдаешься и неминуемо идешь ко дну, либо изо всех гребешь к берегу, не отказываясь от спасательного круга, брошенного кем-то из неравнодушных наблюдателей за твоими тщетными попытками удержаться на плаву. Я предпочла второе. И в круг свой я вцепилась зубами - острыми, способными разорвать любого, кто посмеет выбить почву из-под моих ног.

- Я хочу машину, - льну к мужчине, устроившемуся на краешке кровати, и осыпаю поцелуями его шею, стараясь не вдыхать запах резкого парфюма. - Собственную, чтоб не дергать твоих людей, когда мне захочется выбраться в центр.

Загорелый. Не предел мечтаний, ведь на древнегреческого бога Руслан совсем непохож, зато подтянутый, без безобразного брюшка и женской груди, которую гордо носят многие работяги, заливая свои неудачи дешевым пивом.

- Розовую? - ухмыльнувшись, откидывается на спину, позволяя мне касаться губами его крепких мышц, и уже устраивает свою руку на моем бедре, без должной нежности впиваясь в кожу длинными пальцами.

Не спорю, я бы хотела, чтоб все было иначе. Чтобы тело дрожало от предвкушения, чтобы сердце стучало быстрее,

а губы шептали бессвязный бред, то и дело моля о пощаде. Хотела, чтобы этот мужчина был молод, красив и порывист, чтобы именно он вел в этом танце, который с каждым днем все больше похож на хорошо отработанный номер, в финале которого я стану чуточку богаче. Хотела бы хоть на секунду узнать, что значит потерять голову от нескончаемых ласк, возносящих тебя на вершину блаженства, но выбирать мне, увы, не приходится...

- Любую. Главное, надежную.

- И подороже, - не смотрю, но знаю, что он ухмыляется, прекрасно понимая, что именно это я и имела в виду.

Нет между нами любви. Знаю, что кроме моих выдающихся способностей в постели Руслана мало что волнует, а он не питает иллюзий, осознавая, что я держусь не за его человеческие качества, а за внушительный банковский счет, ведь возвращаться на дно я не намерена. Я выслушиваю его жалобы и лишь иногда делюсь собственными переживаниями - поверхностными, почти ничего для меня незначащими: то ноготь сломала, то волосы мне обстригли слишком коротко, то платье, приглянувшееся в дорогом бутике, оказалось мне велико. Ничего, что хоть немного приоткрывает мою душу. Ни слова о ранах, боль от которых я почти научилась игнорировать. И именно этим я и цепляю успешного бизнесмена, пресытившегося женскими истериками, которых дома ему хватает с лихвой: то про годовщину забыл, то перед сном не поцеловал, то отдалился, а то и вовсе не притронулся к ужи-

ну - жен хлебом не корми, дай только повод для очередного скандала.

- Ты же водить не умеешь, - бросает, с придыханием, едва я добираюсь до пояса его брюк, и уже закрывает глаза от удовольствия, что я умело ему дарю.

Плавится, как воск, мгновенно подчиняясь моей воле, и наверняка перестает связно мыслить, концентрируясь на своих ощущениях. Мой отчим был прав, вертихвостка из меня вышла знатная...

- Плевать, - главное, не останавливаться. Заставить его обезуметь от страсти, и заветные ключи лягут в мою ладонь. - Водителя мне найми.

Руслан отвечать не торопится. Подается бедрами, стоит мне оказаться сверху, и уже нетерпеливо шарит своими руками по моей груди, наверняка оставляя следы на бархатистой коже. В такие минуты я стараюсь отстраняться от происходящего. Не забываю нарушать тишину спальни своими сдавленными стонами, закусываю губу, когда голубые глаза взирают на меня из-под светлых ресниц, ускоряюсь, если того требуют безжалостные руки, с силой сжимающие обнаженные бедра. Он мой счастливый билет, и взамен за безбедную жизнь он просит не так уж и много - тело. А что есть наше тело? Красивая оболочка для души, до которой посторонним еще не удавалось добраться. Считаете, я продалась? Наверное, но еще неизвестно, кто из нас выиграл больше - Тихомиров в моих руках. Строит из себя независимого хлад-

нокровного мужчину, но стоит мне захотеть и уже бросает к моим ногам целый мир.

- Так что? - натягиваю на плечи тонкие лямки кружевной комбинации и, наконец, встаю с расслабленного мужчины, все еще не сумевшего восстановить дыхание. Откидываю назад волосы, ежась, когда обнаженная спина покрывается мурашками от соприкосновения с шоколадными локонами, и неторопливо бреду к окну, давая ему насладиться своим трофеем: молодая, стройная, без излишней худобы к которой так стремятся мои ровесницы, с полной тройкой под полупрозрачной атласной сорочкой. Не думаю, что даже в свои лучшие годы ему доводилось встречать кого-то настолько притягательного, как обновленная Юля Щербакова.

- В понедельник жди. Отдаю тебе Петровича в личное пользование, - вновь становится серьезным и уже приподнимается на локте, пытаясь дотянуться до небрежно брошенной на пол рубашки.

- Шутишь? От твоего Леонида у меня нервный тик, - намеренно приглушаю свет, останавливаясь напротив панорамного окна, и позволяю огням столичных улиц окутать меня золотистым свечением. Я не зря выбрала белый комплект: смуглая кожа и темные пряди на его фоне заставляют мужчин нервно сглатывать выделяющуюся слюну.

Чего вы от меня ждали? Я больше ничего не умею, так что, простите, добиваюсь своего, используя оружие, которым щедро наделила меня природа.

- Зато под юбку к тебе не лезет.

- Да ладно? Неужели ревнуешь? - победно улыбаюсь, прижимаясь спиной к холодному стеклу. Подхватываю указательным пальцем бретельку и от безделья перекатываю ее по плечу. - Я думала, мужчины не готовы делиться женами, а уж любовницы это так...

- Ты знаешь, как я к тебе отношусь, - хмурится, на секунду забывая о галстуке. - Так что Леня не обсуждается.

- Даже, если я скажу, что он постоянно мне хамит? - вру, но даже не думаю покраснеть, когда внимательный взгляд серых глаз застывает на моем расстроенном лице.

Еще одного дня с этим мрачным водителем я не вынесу. Даже его дыхание вызывает во мне отвращение, что уж говорить о молчаливом презрении, которым он окатывает меня при встрече?

- И курит. Как паровоз. А ты ведь прекрасно знаешь, что я не выношу запах табака, - с детства.

Мой папа много курил. Прямо на кухне, ничуть не стесняясь присутствия своей маленькой дочери, уплетающей суп или бабушкины котлеты. И когда он ушел, всякий раз, стоило мне вернуться из школы и уловить в воздухе табачные нотки, я со всех ног бежала в крохотную кухоньку, чтобы уже через секунду смахнуть со щеки соленую слезу обиды. Дымил вовсе не папа - высокий блондин, на пятнадцать лет задержавшийся в дальней командировке - а очередной дружок моей мамы: рыжий сосед по лестничной клетке, оставивший

ей на память свою точную копию; водитель автобуса, на котором Лида возвращалась с работы; Айдар - единственный предприниматель в длинной шеренге маминых ухажеров, с чьим приходом мы стали чаще есть фрукты, и Жора, о котором ничего хорошего я сказать не могу. Густое облако серого дыма теперь навеки ассоциируется у меня с потерей.

- Ну, Руслан, - тяну его имя, не забывая хлопать ресницами, и уже замечаю, как все его доводы рассыпаются в мелкую крошку.

- Ладно. Будет тебе водитель, - сдается и натягивает пиджак: сегодня черный, слегка помявшийся на плече. Поэтому и подхожу ближе, старательно проходясь по ткани ладонью - я все-таки сдаю его на руки Свете. Еще не хватало, чтобы она сочла меня ни на что не способной хозяйкой.

Глава 3

Максим

- Уволил? - заметив меня, Костров вскакивает с кресла, подавая куртку, торопливо сброшенную мной перед тем, как зайти в кабинет к Тихомирову.

- Лучше бы уволил, - невесело улыбаюсь и быстро иду к лифтам, под аккомпанемент тяжелых шагов друга за моей спиной.

Семь долгих лет на пути к посту начальника охраны и такой нелепый промах в одном шаге от заветной должности.

- Приставил меня к своей девке. Можешь поздравить, теперь я должен подтирать сопли его безмозглой подружке. Надеюсь, ходить с ней по магазинам в мои обязанности не входит?

- Не знаю. Меня она на дух не переносит, так что таскать за собой пакеты ни разу не заставляла. Да и возил я ее нечасто, чаще Димка Игнатов ей занимался. Да ладно, это ведь лучше, чем стать безработным! - хлопнув меня по плечу, Леня достает сигарету, но так и не доносит ее до рта. - Черт, может выкинуть? Так я никогда не брошу.

- Дай. Мне сейчас не повредит.

Дождь, зарядивший еще поздней ночью, так и не прекращается. Аккуратно выстриженные кусты вдоль высотного здания, где вовсю кипит работа, не выдерживают по-

рывов ветра и то и дело клонятся набок, усеивая асфальт недавно распустившейся листвой. На улице немноголюдно, и те «счастливчики», что были вынуждены отправиться по делам, невзирая на разыгравшуюся стихию, сейчас жмутся друг к другу под пластиковой крышей автобусной остановки.

В чем-то Ленька прав - мне хотя бы не нужно трястись в переполненной маршрутке, обивая пороги предприятий, готовых предложить мне работу. Кто знает, может, Руслан Сергеевич перебесится и все же решит дать мне второй шанс? Сам факт, что спустя месяц тишины, он все же вызвал меня к себе - о чем-то да говорит.

- Квартиру снял? Можешь остановиться у меня, Карина не будет против, - глядя в хмурое небо, мужчина стирает со лба холодные капли и отступает под навес над главным входом. Он выглядит старше своих лет: рано поседел, рано отрастил брюшко и рано изуродовал свое лицо пушистыми усами, которые постоянно пачкает соусом, поедая жирное буритто. Всего лишь сорок два года, а на вид не меньше пятидесяти.

- Квартиру, - хмыкнув, выпускаю облачко дыма. - Скорее клоповник. Я на мели.

Стоило боссу узнать о моей связи с его любимой племянницей, корпоративную двушку, что я занимал последние лет пять, меня попросили освободить. Дали лишь час на сборы, предварительно хорошенько поработав над моей внешностью - из современной новостройки я уходил изрядно помятым.

- Давай займу?

- Не надо. Жены у меня нет, так что вполне обойдусь и этой халупой. Забросишь меня в продуктовый? А потом по этому адресу, - протягиваю ему мятый тетрадный листок и игнорирую насмешливый взгляд своего товарища.

- На окраине? Да, Бирюков, не завидую я тебе.

Я не коренной москвич. Приехал в столицу, когда мне едва исполнилось двадцать, и первое время только и делал, что выживал, хватаясь за любую работу, что могли предложить студенту-заочнику. Грузчик, курьер, официант и криворукий бармен - я перебрал множество профессий, прежде познакомиться с Леней. Именно он и помог молодому зеленому провинциалу попасть в штат сотрудников солидной кампании.

- Садись давай. И отвези в гараж. Хочу посмотреть, какую ласточку Руслан купил для своей подружки.

В окно я стараюсь не смотреть. Столько лет прожил в мегаполисе, а стоило лишь на три недели вернуться домой - в небольшой тихий городок в шести часах езды от Столицы - и все эти небоскребы больше не радуют глаз. Если бы не нужда в деньгах, я бы вряд ли прыгнул на поезд, прихватив с собой лишь пару рубашек.

- Странно, что он доверил ее тебе, - не отвлекаясь от дороги, бросает мой друг, постукивая пальцем по кожаному рулю.

- Почему?

- Да брось, Макс. У тебя три дня ушло, чтобы его племянницу в койку затащить, а Ника девушка благоразумная.

- А эта, значит, развязная?

Я ни разу ее не видел. В прессе об их романе никогда не упоминали, а в офис свою любовницу Тихомиров не приводил.

- Конечно. Девчонке двадцать два, а она со стариком связалась. Уж явно не по любви.

- Откуда знаешь? Сергеич мужик неплохой...

- Только Юлию Константиновну это вряд ли волнует - лишь бы деньги давал. И наглая, каких поискать, - произносит и брезгливо передергивает плечами. Неужели настолько все плохо? - Знаешь, жить становится страшно. У самого дочь растет... Как представлю, что однажды она подойдет и скажет: « Папа, зачем учится, если можно податься в эскорт и жить себе припеваючи?» - мне хочется застрелиться.

Я лишь киваю, поудобней устроившись на сиденье, и устало прикрываю глаза. Плевать мне на чужие помыслы, мне и своих проблем по жизни хватает. Черная полоса, не иначе: сестру поперли с работы, мама почти не встает, а тут еще я со своей неспособностью устоять перед короткой юбкой... Скоро тридцать, а ума так и не прибавилось. Так что, Костров прав, разжалование в водители - это лучшее, что могло со мной случиться. Я ведь не надеялся, что меня пронесет - знал, что стойко вынесу головомойку, признаю, что совершил ошибку, дам честное слово, что впредь никогда не поз-

волю себе лишнего, но ни на минуту не верил, что босс поверит мне на слово.

***

Мое утро начинается внезапно с пронзительного женского крика и незамедлительно следующего за ним звона бьющегося стекла. Уж не знаю, что не поделили мои соседи в пять утра, но об отдыхе, кажется, можно забыть.

Сонно потянувшись к подоконнику, я нащупываю заветную пачку и освещаю комнату слабым пламенем зажигалки. Можно было бы еще поваляться, но нецензурная брань неблагополучной семьи сверху целиком овладела моим вниманием.

Хочется позвонить Наташке, но вместо этого я прячу мобильный подальше, торопливо влезая в спортивный костюм. За прошедший месяц бездействия тело словно одеревенело, теперь настойчиво требуя от меня разрядки. Что может быть лучше пробежки по округе, где для меня все в новинку, ведь даже в начале своего пути в такой дыре мне жить не приходилось.

Каким-то чудом отыскав парк, я посылаю небесам благодарность, что местная администрация установила турники, упрятав их за сенью старых деревьев, опасно накренившихся над узкой тропкой.

Моя жизнь катится под откос. Прекрасно зная свой скверный характер, теперь я твердо убежден - долго на должности личного водителя я не продержусь. Терпеть причуды взбал-

мошной девчонки, не придумавшей ничего лучше, кроме как привязать к себе денежный мешок, я явно не смогу. Как говорит моя мама, мне не хватает воспитания. Бьюсь об заклад, что Тихомиров уже завтра отправит меня восвояси, наслушавшись слезливых речей своей молодой любовницы.

Если быть честным, сейчас я считаю недельный роман с Вероникой своей роковой ошибкой. Потерял голову, стоило миниатюрной блондинке приветливо мне улыбнуться, и подписал себе смертный приговор, пригласив неискушенную девятнадцатилетнюю второкурсницу в небольшое кафе в Центре. Ее и красавицей-то не назовешь, а я целых три дня не спал, мечтая пробраться под ее блузку - строгую, с нелепыми рюшами на небольшой груди... Я просто обязан был предвидеть, что рано или поздно до Руслана дойдет, с чего это его племянница с таким упорством обивает пороги офиса. Да и невинностью там и не пахло, черт знает, на что я, вообще, рассчитывал?

- Чего так рано? - отделившись от кучки парней, не спеша потягивающих кофе из бумажных стаканов, Леня протягивает руку, уверенно пожимая мою ладонь. - Не терпится познакомиться с объектом? Так она раньше двенадцати носа из дома не высовывает.

- Ага, всю ночь не спал, мечтая поскорее заделаться таксистом. Игнатов, она хоть ничего?

- Огонь, - молоденький, лет двадцати пяти парень с удовольствием подключается к разговору. Краснеет, как школь-

ник, и почесывает свою наголо бритую голову. - Одни ноги чего стоят!

- Максиму на ее ноги лучше не смотреть, иначе Тихомиров точно пустит его на корм рыбам. Так что держи-ка свои руки при себе, это тебе не с его племянницей развлекаться. Шеф всерьез на этой Юле повернут, не сегодня завтра на развод подаст и в загс ее поведет, - растеряв былое веселье, друг пытается что-то отыскать на глубине моих глаз. Проверяет, настолько ли я безумен, чтобы уводить женщину у своего начальника?

- Да брось ты, - когда я не тороплюсь с ответом, он подходит ближе и говорит уже тише, чтобы услышал только я. - Я серьезно, за рулем не болтай, и не вздумай вскружить ей голову... Уверен, не просто так он тебя к ней приставил. Наверняка проверяет и тебя, и девку свою.

- Я похож на сумасшедшего? Адрес давай, - теперь обращаюсь к Диме, вернувшемуся к обсуждению футбольного матча с двумя амбалами.

- Держи. Здесь еще фото, чтобы ни с кем не спутал.

Мысли о том, что парень был прав, я оставляю при себе - в этот раз Руслан Аркадьевич явно потрудился, отыскивая такой занятный экземпляр в стройных рядах охотниц за чужими миллионами...

- Эй, Бирюков, - открыто смеется долговязый, отвлекая меня от снимка шикарной брюнетки. - Ключи бери, ласточку вчера вечером пригнали.

Прячу бумаги в карман пиджака и со вздохом кручу в руке брелок от Инфинити. Странно, думал Тихомиров возьмет что-нибудь подороже.

- Наслаждайся, - теперь и ребята подхватывают веселье Лысого, дружно стягивая тент с новенькой иномарки.

- Какого черта...

Да уж, скучать на своей новой работе мне явно не придется...

Глава 4

Каждый сходит с ума по-своему: кто-то верит во внеземные цивилизации, кто-то, устав от шума и благ двадцать первого века, уходит в леса в поисках уединения, кто-то взбирается на самую высокую горную вершину ради красочного селфи, а кто-то, как Руслан, выделяется на общем фоне уникальной способностью изгадить самый долгожданный подарок... Розовый металлик и огромный красный бант на крыше иномарки - что это, если не признак безумия? Или с мужчинами всегда так: стоит пропустить мимо ушей безобидную шутку, и они непременно воспримут это как одобрение?

- Идиот, - выливаю остывший кофе в пустую раковину и теперь смываю коричневые брызги с белой мойки, яростно растирая губкой каменное дно.

Я злюсь, с самого утра пребывая не в лучшем расположении духа, и то и дело пинаю попадающуюся на моем пути мебель: дважды приложилась ступней к спинке велюрового дивана, откатила подальше от глаз любимое кресло своего мецената, прикрыв его пушистым пледом, которым почти никогда не пользуюсь, и уничтожила зеркало в ванной, так и не сумев привести свое серое лицо в порядок - ночью я почти не спала.

- Спасибо, - тяну в трубку, едва знакомая мелодия разливается по квартире, и изо всех сил стараюсь, чтобы голос мой

звучал как можно слаще.

Притворная радость мой конек, ведь если вы заглянете в мою шкатулку, наверняка не поверите, что я могла искренне восхищаться полученным на Восьмое марта нелепым кольцом в форме змеи.

- Она прекрасна.

Где-то там, в просторном кабинете Башни Эволюция, солидный мужчина вращается в кресле, поворачиваясь лицом к панорамному окну, и моего уха касается его грудной смех:

- Знал, что тебе понравится.

- Еще бы, - недовольно произношу одними губами и, запрятав подальше охватившее меня разочарование, продолжаю петь ему дифирамбы. - Тихомиров, я говорила, что мне с тобой повезло?

- Нет. Но я и так это знал. Водителя оценила?

- Еще не успела, - придерживаю прозрачную занавеску, разглядывая начищенный до блеска автомобиль, и невольно задумываюсь, найдется ли в этом огромном городе хотя бы один желающий перекупить этого безобразного монстра?

Да, я не медалистка и диплом о высшем образовании вряд ли когда-нибудь попадет ко мне в руки, но в вопросах финансов стараюсь просчитывать свои шаги наперед. Люблю дорогие вещи, элитный парфюм и обувь, о которой прежде и мечтать не могла, но с куда большим рвением скупаю украшения. Они моя воздушная подушка, гарант, что стоит удаче меня покинуть, и я не окажусь в яме, выбраться из которой

дважды мне вряд ли удастся.

- Я и здесь постарался учесть все твои пожелания: молод, не курит и вряд ли решится на хамство. Но если что - маякуй, вылетит со свистом со своего места.

- Даже так? Смотри, еще пара таких высказываний и я решу, что ты безвозвратно в меня влюблен, - смеюсь, стараясь разглядеть выбравшегося из салона мужчину. Темненький. В черном костюме, надеть который в такую жару решится только смельчак. И вопреки уверениям своего босса, прямо сейчас, сгорбившись, он подносит к губам зажигалку, по-мужски прикрывая пламя ладошкой.

- Все возможно. И, кажется, у меня это взаимно. Ведь ты не просто так пошла к Свете добиваться развода, верно?

Я вздрагиваю, растерявшись лишь на секунду, и отпускаю капроновый тюль, позволяя ему и дальше колыхаться от слабого ветерка, что прорывается в кухню сквозь приоткрытую кверху створку стеклопакета.

Значит, сказала. Наверняка ревела, ударяя его в грудь кулачками, и проклинала за пущенную под откос семейную жизнь.

- Вот еще, - и глазом не моргнув, произношу давно заготовленную речь. - Случайно набрела на ее отдел и, если честно, совсем не ожидала застать в нем хозяйку.

- Другого магазина не нашла?

- Света лучшая. Одни ее платья чего стоят, - будь мне за тридцать, я бы непременно скупила все. То, что еще не по-

пало в мою гардеробную, по своим размерам способную побороться со спальней, что я занимала в бабушкиной трешке.

- Я ведь говорил, что улажу этот вопрос сам. Так что, на будущее, будь добра знать свое место, - словно это не он минуту назад любезничал, обсуждая щедрый презент, что красуется прямо сейчас во дворе жилого комплекса. - Или эта машина станет последним, что ты от меня получишь. Ясно?

- Предельно.

- Отлично. Сегодня не жди. Улетаю на пару дней в Лондон, так что поговорим, когда я вернусь, - вновь хорошо знакомая мне улыбка и вздох облегчения, сопровождаемый шелестом каких-то бумаг. - Будь аккуратна. И постарайся не попадаться на глаза моей жене. Еще одного скандала я не перенесу.

Отлично. Я нарушила главное правило идеальной любовницы - полезла в его семью, за что по головке меня вряд ли погладят. Только вот сожаления я не испытываю: наверное, через пару лет я бы ругала себя на чем свет стоит за проявленное малодушие, не предприми я отчаянной попытки сделать хоть что-то. Эффекта ноль, зато открещиваться от моего присутствия в жизни Руслана Света больше не сможет. Засыпать и просыпаться она будет с мыслями обо мне...

Горделиво расправляю плечи, как можно выше вскидывая подбородок, и, даже не взглянув на себя в зеркало, бреду к дверям, цепляя на нетронутое макияжем лицо солнцезащитные очки. Два раза в год я позволяю себе поплакать, и сего-

дняшний день как раз тот самый случай.

***

- Вот это мужчина! Это я понимаю, - старушка с нелепым цветком на полях соломенной шляпы одобрительно покачивает головой, пихая локтем свою не менее нарядную подругу. - Что я тебе говорила, нынешние девушки знают, как мужикам головы кружить!

Забрасывает ногу на ногу и подкладывает под спину свою огромную сумку, из которой вот-вот вывалится пакет с крупой, которой она щедро усеяла землю в небольшом палисаднике. Делаю вид, будто не замечаю женской болтовни и продолжаю следить за птицами, что торопливо клюют свой обед, то и дело воруя зерна у своих нерасторопных пернатых товарищей.

- А то! - слышу, как отзывается седовласая сгорбившаяся дама, что отодвигает тростью обертку от шоколадного батончика, лежащую аккурат возле ее кожаных сандалий. - Все штопанные - перештопанные! Губища во, - подносит ко рту морщинистые пальцы, демонстрируя их размер, - и грудь впереди идет! Еще бы им машины не дарили!

- Как у этой, с четвертого подъезда, - ее собеседница сплевывает на асфальт скорлупу от семечек, что держит в газетном кульке, и принимается заливисто хохотать, сквозь смех поддерживая разговор. - Слушай, Петровна, может, и мне чего увеличить? Глядишь, пенсионера какого найду, хоть ремонт в ванной закончу! А то от детей помощи никакой!

- Скажешь тоже! Нужна ты олигарху со своими морщинами! Не лицо, а сухофрукт! - то ли кашляет, то ли заражается весельем, покрякивая в такт своей напарнице по сбору сплетен. - Как думаешь, это кому так повезло?

- Так, этой наверно, что на восьмом этаже напротив Алексеевны живет! Темненькая такая...

- Не-е-е, - женщина с гербарием на голове недоверчиво кривится, откидываясь на деревянную спинку скамейки. - У той хахаль взрослый... Лет пятьдесят, не меньше. А этот вон, молодой, красивый!

Я немного теряюсь, когда две пары глаз начинают внимательно изучать мою фигуру: ведут от носков ботинок выше, к груди, что, кажется, пришлась им по душе, и уже о чем-то перешептываются, посмеиваясь собственным выводам.

- Хорош, ничего не скажешь, - Петровне скромности не занимать. Подмигивает, кокетливо поправляя блузку в жуткий бирюзовый горох, и принимается хохотать еще громче, когда подруга щипает ее за конопатую руку.

Придирчивую проверку я все же прошел. Прячу улыбку, отворачиваясь от старушек, и отхожу подальше, желая укрыться под сенью молодого клена. Присаживаюсь на металлический забор, прутья которого выкрашены в насыщенный синий, и вновь тянусь за пачкой, больше не представляя, чем еще можно себя занять, ожидая хозяйку новенькой Инфинити. Два часа торчу под ее окном, а Юле словно плевать. Разве, не должна была она выбежать из подъезда, едва я за-

глушил мотор, и наматывать круги вокруг своего коня - красивого, пусть и обтянутого пленкой столь нелепого цвета?

Вскидываю голову, даже не представляя, за каким из окон скрывается от меня любовница Тихомирова, но через секунду бросаю эту затею, ведь безжалостно палящее солнце уже слепит глаза даже сквозь стекла защитных очков. Рубашка прилипла к коже, и единственное, о чем я мечтаю - поскорее избавиться от этой официальной одежды, что напялил, наслушавшись ценных советов своего товарища. Где ее носит?

- Вышла, красотка! - те же бабульки, что до сих пор не покинули лавку, продолжая усеивать асфальт скорлупой, синхронно поворачиваются к подъездной двери, брезгливо морща свои тонкие губы. - Тебе, что ли, такой подарок сделали?

Я нахожу глазами высокую стройную брюнетку в нелепой майке и джинсах с огромными дырами на стройных бедрах, и застываю взором на ее лице - юном, немного хмуром, ведь ухоженные брови уже сошлись на переносице. Смотрю, как она замедляет шаг, проходя мимо любопытных соседок, и уже тянусь за снимком, что покоится во внутреннем кармане моего пиджака - взгляда с автомобиля девушка не спускает, но на его законную владелицу совсем непохожа. У той глаза ярче, оттененные пушистыми черными ресницами, пухлый рот, подкрашенный броским вишневым блеском, и щеки тронуты здоровым румянцем... Впрочем, в современном мире живу! Разве для меня новость, что косметика меняет женский лик до неузнаваемости?

- Не ваше дело, - тем временем огрызается девушка и все ближе подбирается ко мне, отмахиваясь от любопытных старух как от назойливых мух.

- Вы посмотрите, королева! Никого не стесняется!

- А чего мне стыдиться?

- А разве нечего? А то мы не видели, кто к тебе ездит! С одним по ночам шашни крутишь, другой вон, иномарки дарит!

- Завидно? За собой бы следили, без слез уже и не взглянешь, - поворачивается спиной, адресуя свои слова пенсионеркам, а я уже по-мужски оцениваю ее вид сзади. Не тощая. Напротив, аппетитная во всех необходимых местах.

- Чему тут завидовать? В наше время тебя бы камнями закидали за такой образ жизни! - Петровна даже встает, яростно размахивая своей клюкой из темного дерева. - Проститутка! Куда только мать смотрит!

- А она от меня недалеко ушла, - наверняка скалится, ведь растерянная физиономия моралистки идет красными пятнами. - Так что приберегите свои проповеди для других.

Бросает и резво разворачивается на пятках, на ходу цепляя очки за ворот футболки, отчего белый трикотаж провисает, оголяя ложбинку на ее загорелой груди. Вышагивает, излишне покачивая бедрами, и вот уже тормозит в нескольких шагах от меня.

- Чего встал? Бант снимай и за руль,- подбородок вздернут, а взгляд ничего не выражает. Словно и не человек перед

ней, а фонарный столб.

Все же это она - моя головная боль, не иначе. Девчонка совсем, с каштановыми волосами, собранными на макушке в высокий хвост. Никаких тебе каблуков, коротких юбок и откровенных декольте... Молодеют кадры Руслана. Причем стремительно. Предыдущей едва исполнилось тридцать, когда она стала греть его постель, а эта... Не знал бы, решил, что в лапы начальника она угодила прямиком со школьной скамьи.

- Налюбовался? - уже и дверь открывает. Заднюю. - И курить в салоне не смей. Я твою вонь терпеть не обязана!

Ленька не обманул - приветливой эту дамочку вряд ли можно назвать. Бросаю окурок, растираю его ботинком, и прежде, чем приступить к выполнению задания, сплевываю на траву горечь от никотина и сковавшего меня раздражения. Стягиваю с крыши чертово украшение, без сожаления погребая такую красоту в мусорном контейнере, и взываю к своему разуму - нужно держаться. Терпеть, не отвечая на ее колкости, иначе о возвращении на прошлое место можно и не мечтать. Только как?

- Кондиционер включи, - тоном, не терпящим возражения, Юлия Константиновна пресекает мою попытку открыть окно. - Не хватало еще, чтобы кто-то увидел, кто ездит на этом уродстве.

Вот и на сиденье сползает, явно переживая, что тонировка ее не спасет...

- Как звать?

- Максим...

- Отлично. Значит так, Макс, едем на Черемушкинский рынок.

Глава 5

- Юлька! - Вера спешно вытирает руки о посеревшую тряпку, что прячет под уставленным овощами прилавком, и радостно ударяет в ладоши, на несколько секунд забывая о хмуром покупателе. А он стоит, недовольно сведя брови на переносице, и прожигает дыру на лице раскрасневшейся продавщицы.

- Сдачу, господи! - придя в себя, женщина, наконец, отворачивается и нетерпеливо перебирает купюры, отсчитывая нужную сумму, чтобы тут же вложить ее в смуглые пальцы клиента, который, кажется, только что приобрел у нее персики. Наверняка сочные, ведь к своему товару Вера очень придирчива - если и выбирать поставщиков, то непременно проверенных. Неважно кем: Людкой с соседней точки, Эдиком, что нет-нет да советует ей как вести бизнес, или наслушавшись восторженных отзывов опытной Евгении Викторовны, что от дел давно отошла, но на рынок до сих пор ходит как на работу. Может часами болтать с бывшими коллегами, незаметно подъедая с лотка спелую черешню.

- Где ж ты пропадала?! - предстает передо мной во всей красе и уже вцепляется в мои плечи, стараясь разглядеть каждую деталь, что я успела в себе изменить. - Перекрасилась?

Видите. Я стала лишь на тон светлее, а Щербакова уже

придирчиво разглядывает на свету мой шелковистый локон.
- А с ресницами что? Неужели приклеила?

- Нарастила, - теперь моя очередь смеяться, ведь удержаться практически невозможно. Вера ярая противница искусственной красоты, оттого и закатывает глаза, услышав мои объяснения.

- Что за мода? Ну ведь как у коровы! - возмущается и кивает за спину, где работница мясного отдела - то ли Лена, то ли Алина, сейчас и не вспомню, - уже приветливо машет мне рукой, сжимающей рукоятку массивного топорика для разделки мяса.

- Ну, скажешь тоже! Зато краситься не нужно!

- С твоей красотой в этом, вообще, нужды нет. Мне бы твою мордашку, от поклонников у меня бы отбоя не было. Каждый день бы меняла!

Врет. Вера - однолюбка. Единственная, кто когда-то заставил меня поверить, что некоторые на настоящие чувства все же способны - шесть лет, как схоронила моего отца, а до сих пор никого к себе не подпускает. Словно и не замечает поглядываний мужчин, верит, что цветы на праздники ей дарят в знак уважения, и конфеты от Сергея, что живет двумя этажами ниже, берет без задней мысли - он вахтовик, и Вере не раз приходилось поливать его фикус.

- Эх, Юлька! За полгода ни одного звонка! Кто же так делает?

- Я, - пожимаю плечами, устыдившись собственной невни-

мательности к той, что когда-то меня приютила, приняв как родную дочь, и теперь сама подаюсь вперед, как можно крепче обнимая полную женщину в синем фартуке в мелкий белый горох. Пахнет она все так же - сдобой. Причем так сильно, что я без труда улавливаю ароматы ванили, корицы и яблок, впитавшиеся в ее густые кудри. Тут же сглатываю слюну, мечтая вновь отведать ее неповторимых пирожков, и радуюсь, что на рынке люди не шепчутся, своими голосами заглушая урчание моего живота. А чего удивляться? Передо мной повар с пятнадцатилетним стажем, а я с самого утра ничего не ела!

- А я знала, что ты сегодня придешь!

- Это еще почему?

- Семнадцатое. День нашего знакомства, - по-матерински устраивает мою щеку на своей полной груди и поглаживает затылок, тяжело вздыхая. - В прошлом году приходила, а значит помнишь!

Разве можно такое забыть? Словно прямо сейчас давлю на звонок, постоянно поправляя лямку дорожной сумки, что так и норовит сползти с плеча, и удивленно отступаю, когда на пороге меня встречает огненно рыжая дама лет сорока пяти. На ней махровый халат цвета морской волны, мягкие тапочки, скорее всего мужские, а на голове каска из термобигудей - стреляй, дальше этих цилиндров, что вплотную облепили ее макушку пуле не проскочить.

- Ты кто? - даже сейчас стыдно за ту холодность, с которой

я воззрилась на незнакомку.

- Хозяйка... Вы, девушка, к кому? - в руках у нее была зубная щетка с бледно-зеленой пастой, которая все же свалилась горошиной на пол, когда жена моего отца, опешив от такой наглости, опустила руку.

- К Константину Щербакову я. Он должен здесь жить.

Как оказалось - жил. Целых семь лет, переехав в Столицу спустя полгода после того, как тетка его супруги скончалась, оставив единственной племяннице небольшую однокомнатную квартирку на окраине города.

- Все-то ты знаешь, Вера. Может, и булок моих любимых с собой захватила? - смеюсь, а внутри все так и дрожит от нетерпения. Я редко ее навещаю, но рядом с той, что когда-то украла у меня отца, непременно оживаю - словно я студентка, приехавшая к родителям на каникулы и теперь придирчиво изучающая ассортимент холодильника. Что там обычно готовят? Котлетки, пюре и домашнюю пиццу? Так вот, меня Вера встречает пирожками с яблоками!

- А то! Даже с капустой парочку прихватила. Постой, - немного потоптавшись на месте, словно опасается, что стоит ей отвернуться и я сразу сбегу, Вера семенит за прилавок, тут же доставая внушительный пакет с выпечкой. - Чай пойдем пить!

- Рассказывай! - разложив на тарелке мое любимое лакомство, женщина подпирает щеку рукой, на безымянном пальце которой до сих пор красуется обручальное кольцо.

- Что? - говорить с набитым ртом, сидя на пластиковом стуле дешевенькой чебуречной, немного непривычно, ведь последние несколько лет я обедаю в куда более изысканных местах. И чай пью непременно из чайника, в наборе с которым идет красивая керамическая чашка. Только сейчас мне кажется, что из пакетика чай вкуснее, да и бумажный стаканчик меня ничуть не смущает.

- Как что? Как живешь, как жених твой, как учеба, в конце концов!

Я давлюсь и быстро хватаю салфетку, сплевывая в нее пережеванное тесто, и наверняка краснею, ощущая на себе горящий взор родных глаз.

- Хорошо. Сессию закрыла, - вру, возвращая себе контроль над эмоциями и предательски дрогнувшими пальцами. - Не на пятерки, конечно, но и троек не так уж и много.

- Молодец! А что я тебе говорила? Учебу бросать нельзя, тем более такая хорошая специальность!

По мнению Веры, менеджер по туризму в наше время без куска хлеба точно не останется. И, возможно, она права, только я вряд ли когда-то смогу это проверить.

- Ладно! А Руслан твой? Когда познакомишь? Два года обещаниями кормишь, может, стесняешься меня? Он ведь парень у тебя не из простых...

- Не говори ерунды! - даже ладошку ее своей накрываю, позабыв о приготовленном специально для меня пироге.

- А что тогда? В одном городе живем, а вы все доехать не

можете!

Вот как мне ей объяснить? Как разбить ее веру в меня? Прямо сказать, что никакой диплом мне не светит, что мужчина мой далеко не мальчишка (вполне мог бы быть чьим-то дедом, одари его судьба хотя бы одним ребенком) и что живу я вовсе не с любимым, а одна - в прекрасной квартире, за которую расплачиваюсь натурой? Она ведь меня не поймет! Не простит и больше, как прежде, на меня не взглянет...

- Ты ведь мне как дочь, Юлек. Своих Бог не дал, так хоть ты появилась. Частичка Костика, с ямочками на щеках точь-в-точь как у него. Я тебе плохого не желаю - лишь бы убедиться, что рядом с тобой достойный. Что любит тебя и не обижает... Ведь не обижает? - напрягается, внимательно следя за моей реакцией. Даже на краешек стула сползает, желая быть как можно ближе.

- Нет, - хоть в чем-то не лгу. Разве что разводиться совсем не торопится, только об этом ей точно не скажешь.

- Он у меня хороший. Чуткий и внимательный очень, - говорю, а улыбка на Вериных губах становится все шире: взгляд загорается, плечи расслаблены и головой все кивает, кивает...

- И познакомлю я вас. Обязательно, - заглядевшись на родного человека, обещаю бездумно, холодея, когда моя собеседница радостно охает.

- Когда-нибудь, - а это уже про себя, ведь довольная мачеха на радостях добавляет на тарелку еще парочку булок.

- Ешь-ешь! А то бледная такая, что без слез и не взглянешь, - к своему чаю женщина так и не притронулась. Любуется, с каким аппетитом я уминаю ее стряпню, и уже мечтательно вздыхает. - Вот свадьбу сыграете, глядишь, и детишки пойдут. Я тебе помогать стану. Научу такие же пироги печь.

Еще этого мне не хватало. Двадцать два! Какие дети, тем более от Тихомирова? Не уверена, что он, вообще, способен кого-то так осчастливить, иначе, чем объяснить два брака, от которых не осталось ничего, кроме снимков из загса и заветного свидетельства о разводе? Отряхиваю ладошки, больше не в силах проглотить ни кусочка, и как можно беззаботнее произношу:

- Рано нам о детях думать. Да и свадьба... Успеется. Вдруг я завтра другого встречу и голову потеряю?

- Глупости! Ты у нас девушка серьезная, наверняка, как отец, однолюбка, - произносит и заливается краской, только сейчас осознав, как это прозвучало.

Константин Щербаков Веру любил. До одури. Так быстро потерял голову от вида рыжих кудряшек, спадающих на румяные щеки, что, приглашая ее на свидание, и думать забыл о семье, что оставил в небольшом городке на берегу Волги. Бросился в омут новых ощущений, проклиная слетающие с календаря листки, и в конечном итоге спешно уволился, с суши махая товарищам, оставшимся нести службу на уходящем по водной глади большегрузе. О том, что любимый ее далеко не свободен, Вера узнала месяца через три, когда и

сама потонула в водовороте сметающей все на своем пути страсти...

- Прости, Юлька. Я маму твою не знаю, - головой качает, как всегда, стыдливо потупив взор. - Не имела я права так говорить.

- Имела. Любил бы ее отец по-настоящему, никогда бы с тобой не остался.

Не виню я ее. Больше не виню, ведь о моем существовании она узнала совсем недавно - испуганно схватилась за сердце, когда я махнула своим паспортом перед ее лицом, а потом горько обливалась слезами на своей кухне, терпеливо ожидая, когда же я отсчитаю нужное количество капель настойки валерианы. И если маминого ухажера я презираю, до сих пор не простив ему ультиматума, что он поставил перед супругой, то Веру давно простила - счастливого детства она лишила меня не осознанно.

- Ты ей звонила?

- Нет, - даже голос звучит резче.

Зачем напоминать о себе той, кто давно вычеркнул тебя из своей жизни и даже не задается вопросом, как сложилась твоя судьба? Живет себе со своим Жорой, периодически освещая двор фонарем под глазом, и пашет на двух работах, ведь супруг ее с отцовством не справляется - напивается в хлам, чтобы не слышать непрекращающегося детского плача. У меня брат. То ли Борька, то ли Богдан. На имена у Ленки память короткая.

- А зачем? - когда бровь продавщицы овощного отдела ползет вверх, а губы недовольно поджимаются, решаюсь за себя заступиться. - Ей до меня дела нет - у нее любовь. Вот и пусть варится в своем котле, тем более что черт ей достался безжалостный - поленья подбрасывает исправно.

Тоскую ли я? Ни капли. Разве что только по Айгуль. До сих пор сердце кровью обливается, стоит вспомнить, как громко она ревела, вцепившись в мою дорожную сумку: бантики съехали с головы, платьице, перемазанное вареньем, задралось, а пухленькие пальчики так крепко держали ткань тонких ручек, что маме пришлось потрудиться, чтобы оторвать свою младшенькую от моего саквояжа. И наверное, по Артуру нет-нет да пускаю слезу - ему было лишь три, а мне уже было понятно, что из него вырастет настоящий мужчина. Мальчишка прижался к косяку, наблюдая за происходящим, и молчаливо утирал нос, лишь изредка всхлипывая... Ярик в его возрасте был жутким плаксой.

- Как же так? Они ведь твоя семья, Юлек! Ни одна мать такого не заслуживает - не знать, где ее дочь пропадает! Наверняка, места себе не находит!

Глупости. Свое место Лида давно отыскала - под боком у Георгия Голубева, и я в их семейную идиллию совсем не вписываюсь...

Максим

- Ну как, Максим, - Тихомиров, кажется, что-то ест, иначе я не представляю, чем еще можно объяснить этот хруст, что

доносится из динамика. - Понравилась начальница?

Вопрос звучит двусмысленно. Пару месяцев назад я бы не потратил ни единой секунды на раздумья, прежде, чем признать очевидный факт - несмотря на поганый язык, любовница у Руслана знатная. А теперь невольно напрягаюсь, крепче вцепляясь в руль вверенной мне иномарки... Сам виноват, так что пора бы начать привыкать, ведь постоянных подколов мне не избежать.

- Да ладно тебе, что она красавица я и без тебя знаю, - словно прямо сейчас находится рядом и видит, как крепко я сжимаю челюсть, мой босс разражается смехом. - Я о другом: не слишком ли она тебя гоняет? Девчонка ведь не подарок...

- Нормально все, - откашлявшись, принимаюсь разглядывать пешеходов, торопливо вышагивающих по асфальту с переполненными пакетами. Когда я в последний раз был на рынке? Сто лет назад. За месяц, что провел дома, старался не показывать носа на улицу, опасаясь, что мой плачевный вид испугает соседей, а здесь обхожусь пельменями, коих в избытке в сетевых супермаркетах.

- Не врешь? Ленька вон даже не пытается скрывать радости оттого, что, наконец, от Юльки избавился! Даже костюм свой лучший надел.

Светло-серый...

- В полоску, - заканчивает мою неозвученную мысль и продолжает уже серьезней. - Ладно. Думаю, обойдемся без предостережений. Ты ведь не настолько глуп, чтобы дважды

наступать на те же грабли...

- Можете быть уверены - урок я усвоил, - синяки окончательно сошли лишь неделю назад, а над правой бровью навсегда останется шрам: тонкий, еле заметный для окружающих, который изо дня в день будет напоминать мне о том, что ошибок этот мир не прощает.

- Надеюсь. Сам знаешь, что стоит на кону. Кстати, где Юлия Константиновна?

- На рынке, - он-то уж точно должен знать, зачем обладательница золотой карты средь бела дня мчит в другой конец города. Может, в деревне выросла и теперь не приемлет в своем рационе низкокачественной продукции? Натуральное ей подавай, без химикатов и сои?

- Как на рынке? - ошибся. Для Тихомирова это тоже загадка.

- На Черемушкинском. Два часа, как зашла...

Может, мне стоило пойти следом? Таскать за ней пакеты, отбивать от посягательств кавказцев, что будут соблазнять ее свежими фруктами? Или в обязанности водителя это не входит? Черт их разберешь!

- Ладно. Сиди. И посматривай за ней - не хочу, чтобы в будущем меня ждали сюрпризы.

Не поздно ли спохватился? Два года вместе, а он только сейчас задумался о ее верности. Может быть, Костров прав, и мой начальник поплыл? Не устоял перед ее чарами и теперь тщательно взвешивает все за и против, чтобы заклей-

мить молодую любовницу своей размашистой подписью в регистрационной книге?

Приоткрываю окно, наивно веря, что в такой зной порывистый ветер все-таки заглянет в плавящийся город, и уже обреченно опускаю голову, давя на кнопку стеклоподъемника. Спасти меня может только кондиционер.

Глава 6

Вера права - мне катастрофически ее не хватает. Одной или двух встреч в год недостаточно, чтобы утолить голод по ее присутствию в моей жизни. Хочу, чтобы как раньше: сидеть в мягком кресле небольшой комнатки и с упоением потягивать горячий чай, вприкуску с овсяным печеньем. Хочу часами слушать ее рассказы об отце, сопровождаемые шелестом альбомных страниц, хочу вести пальцем по смутно знакомому с детства мужскому профилю, отпечатанному на глянцевой бумаге, хочу чувствовать себя человеком, пусть и пережившим не одну потерю, но все еще верящим в лучшее.

Только... все это вряд ли возможно. Неподъемный груз вины, что давит на мои плечи, стоит мне оказаться рядом с рыжей любовью папы, не позволяет мне навещать ее по велению сердца. Пасть в ее глазах - самое страшное, что я могла бы себе представить, ведь такие как Вера никогда не поймут неуемного желания молодой девушки продаваться за очередную безделушку.

- Думала, не догадаешься, - протягиваю подоспевшему водителю наполненные едой пакеты, и ругаю себя за мягкость, что не остается незамеченной молчаливым брюнетом. Разительная перемена, верно? Прыжок от грозной хозяйки, до поддавшейся ностальгии девчонки я совершила уж слишком стремительно.

Вскидываю голову, невольно засмотревшись в черные глаза своего работника, и добавляю тверже:

- Шустрее надо быть. Я чуть не надорвалась.

Мачеха на угощения не поскупилась. Всучила мне сочные персики, заставила взять кусок свежего мяса, за который расплатилась сама, обиженно отпихнув протянутую мной карту, обежала павильон в поисках цветочного меда, которым раньше непременно заменяла сахар в травяном настое, что заваривала на ночь, и даже слушать не стала, упаковывая оставшиеся пирожки в фольгу. Будь у нее родные дети, они бы вряд ли узнали, каково это - почувствовать себя ненужными собственным родителям. Они непременно купались бы в любви, делились бы с ней своими успехами и мирно дремали, устроив головы на материнской груди после тяжелого учебного дня. В отличие от меня - за моими плечами ни значимых побед, ни теплых воспоминаний о Лидиных ладонях, что перебирали бы спутанные пряди на моей макушке, пока я сопела, свернувшись калачиком под ее боком. Так что, переубеждайте меня сколько хотите, но своего мнения я никогда не поменяю - бог несправедлив. Не тем он раздает щедрые подарки, незаслуженно обделяя действительно достойные пары...

Зачем-то оглядываюсь назад, отставая от Максима, что уже складывает мои гостинцы в машину, и тоскливо вздыхаю, прекрасно зная, что еще нескоро решусь на повторный визит. И с Русланом знакомить Веру не стану - я фальшива,

насквозь прогнила от бесконечной лжи, что вливаю в уши доверчивой женщине, и приоткрыть завесу в свою порочную жизнь никогда не решусь.

- Домой? - удерживая пассажирскую дверь, моя новая игрушка подает голос, заставляя окончательно вернуться в реальность, оставив где-то там, позади, и дешевое кафе и пакетированную бурду, что здесь подают в бумажных стаканах. Он ждет, избегая встречаться со мной глазами, а я впервые решаюсь детально его разглядеть: рубашка не белая - топленое молоко, не иначе, и брюки не черные, как мне показалось сначала.

- Не жарко тебе? - киваю на плотный пиджак угольного цвета и устраиваю свой локоть на распахнутой двери. Я все еще недовольна, но здравый смысл подсказывает не устраивать разнос новичку прямо здесь, посреди забитой парковки - он точно курил, и запах табака прочно въелся в ткань его одежды.

- Немного, - это улыбка? Еле заметная, почти невесомо коснувшаяся пухлых мужских губ и мгновенно запрятанная им подальше. Щурится от яркого солнца, но подгонять меня не стремится, терпеливо ожидая, когда же я решусь спрятаться от зноя в прохладе просторного салона.

- Я не кусаюсь. Необязательно в такую жару цеплять на себя свой лучший костюм. Джинсы с футболкой вполне подойдут.

А вот на Леню я бы с удовольствием натянула тулуп, за-

вершив его образ песцовой ушанкой. Взяла бы в руки ледяной мохито и с наслаждением потягивала через соломинку, любуясь муками ненавистного мне шофера. Ведь он заслужил - за каждый свой осуждающий взгляд, что бросал в зеркало заднего вида, на протяжении нескольких лет устраивая проверки моей выдержке: то дышал излишне громко, то что-то бурчал под нос, не давая мне насладиться очередной покупкой, то стискивал зубы, еще больше разжигая мой пыл видом гуляющих на щеках желваков.

- Тебя Костров застращал? - стоит Максиму занять водительское кресло, бросаю свой вопрос в черную макушку нового знакомого.

На него хоть смотреть приятно, не то что усач или Дима, чей нос не ломал разве что только ленивый - безобразная вмятина на переносице и перекошенные ноздри, то и дело вызывали во мне приступ тошноты.

- Если да, то не слушай. Он старый пень, а я еще не дожила до того возраста, когда во мне проснется желание обмениваться рецептами брусничной настойки.

- Ему лишь немного за сорок, - лица не вижу, зато с интересом изучаю мужской затылок. Волосы не мешало бы укоротить. Впрочем, вряд ли подобный пункт вносят в трудовой договор?

- Я же говорю, - вытягиваю ноги на удобном сиденье и с благодарностью выдыхаю, стоит холодному воздуху коснуться коленей, проглядывающих через безобразные дыры на

моих бойфрендах. Все-таки в командировках Руслана есть свои плюсы - чем занять вечера я придумываю с трудом, зато часами торчать перед зеркалом необязательно. - Мы с ним характерами не сошлись. Взгляды на жизнь у нас разные.

- А со мной, значит, сойдетесь? - хмыкает, на секунду отвлекаясь от плотного движения транспорта, и бегло полосует мое лицо внимательным взглядом.

Не знаю... Наверное, встреча с прошлым так на меня повлияла, и позже я стану отрицать, что, вообще, старалась быть милой, а сейчас так естественно растягиваю губы в улыбке, что и дышать становится легче. Знаете, порою самый бесстрашный воин устает от боевых действий и нет-нет да отсиживается в кустах, позволяя себе хотя бы на минуту отвлечься от кровавого сражения.

- Конечно. Ты молодой, симпатичный, и наверняка не зануда... Кто знает, может, нам не один год придется сотрудничать? - беспечно веду плечами и нагло ворую чужой пиджак, сброшенный мужчиной на пустующее пассажирское кресло. Формирую из него подушку, не слишком-то переживая о складках, что наверняка останутся на не принадлежащей мне вещи, и подкладываю его под голову, радуясь, что хозяин не метает глазами молнии и не выпускает пар из ноздрей. - А за утро я извиняюсь. Если бы не старые перечницы, что скоро захлебнутся своим ядом, я была бы любезней.

Я ведь не зверь. Рычу и выпускаю когти, если меня принимаются гладить против шерсти, но на безобидных незна-

комцев с оголенными клыками не бросаюсь - кто знает, может, этот красивый брюнет с широкой спиной и крепкими бицепсами еще сослужит мне верную службу?

- Ты до этого работал на Свету? - решаю спросить прямо в лоб, ведь засланного казачка терпеть рядом я не готова, а вот от помощника не отказалась бы. - Если нет, то я не откажусь обсудить с тобой погоду или жуткий вкус моего мужчины. Тебе ведь тоже не по душе окраска этой ласточки?

- Так заметно?

- Еще бы. И именно это меня и подкупает - только безумец не стал бы скрипеть зубами, усаживаясь за руль такой иномарки. Так что, если готов не закатывать глаза и терпеливо сносить мою болтовню, обещаю не устраивать тебе головомойку без повода. По рукам?

Максим

Знаете, какой урок я усвоил после месячной ссылки на родину? Пока Наташа обильно смазывала бодягой синяки под моими глазами, а мама болезненно морщилась, глядя на помятую физиономию сына, в моей голове засела только одна мысль - мешать личное и работу не стоит. Терять голову от племянницы босса определенно запрещено, а заводить дружбу с его любовницей и вовсе равносильно самоубийству. Я слишком дорожу своим местом, поэтому и стараюсь говорить мягче:

- Не думаю, что это хорошая идея, - намеренно не оборачиваюсь, делая вид, что не заметил протянутой ладонью

вверх руки и, остановившись на светофоре, принимаюсь разглядывать сквозь тонированное окно автобусную остановку.
- Мне не положено с вами говорить.

Надеюсь, поверит...

- Разве? - Юлия Константиновна подается вперед, и я без труда улавливаю аромат ее духов: цветочный, немного резкий для такой юной девушки. Отклоняется, постукивая наманикюренными пальчиками по спинке водительского кресла, и не сводит с меня внимательных глаз. - Ясно.

Одно лишь слово. Но будь она мужиком, от угрозы, что послышалась в ее голосе я бы, пожалуй, вздрогнул. Впрочем, судя по тому, как резво отпрянула назад моя начальница, небрежно бросив на переднее сиденье горемычный пиджак, что теперь изуродован многочисленными складками, пожалеть о своем решенье мне все же придется. Ежу понятно, чего ей стоило попытаться завязать со мной диалог и в зеркало заднего вида можно даже не смотреть - единственный шанс облегчить свои трудовые будни я только что упустил...

Глава 7

- Ну как ты? - Наташа немного простыла, поэтому голос ее звучит глухо: хрипит, стараясь не разбудить ребенка своей болтовней, и постоянно шмыгает носом, заставляя меня то и дело отводить от уха мобильный.

- Отлично, - устроившись на капоте, прячу свободную руку в кармане джинсовых шорт и подпинываю кроссовкой мелкую гальку, каким-то чудом перекочевавшую из палисадника на сияющий чистотой асфальт. Обслуживающая компания в этом районе трудится на славу - ни тебе переполненных мусорных баков, ни разрисованных стен в подъездах, ни нецензурных надписей на металлических дверях, накануне окрашенных темной коричневой краской. - Заболела? Может, лекарства нужны?

- Что ты! Обычная простуда. Никитка в садике подхватил, и я следом. С этой адаптацией с больничных не вылезаем, - вздыхает и, видимо, прикрывает дверь в детскую, где мирно сопит трехлетний мальчишка. Говорят, он похож на меня как две капли воды, а я все никак не могу отыскать в лице маленького чертенка хоть что-то, что могло ему перейти «в наследство» от непутевого дяди. - Как работу искать, если он больше двух недель без очередной инфекции не может, просто не представляю!

- А ты не ищи. У меня, слава богу, все решилось - от новой

должности я не в восторге, зато в зарплате не потерял. Так что занимайся сыном и ни о чем не думай. Да и маме с тобой спокойней, она ведь терпеть не может сиделок.

- Скажешь тоже, Максим. Сам ведь знаешь, в каком мы положении - ни сегодня-завтра очередь на операцию подойдет, а ты говоришь не работай! Тебе ведь не миллионы платят! Да и сиделка у нас проверенная - берет немного, а рекомендации врачей выполняет исправно. Баб Тосю со второго этажа за год на ноги массажами поставила!

- В нашем случае массажи бессильны, а с лекарствами ты и сама справишься, - пытаюсь ее переубедить, заранее зная, что девчонка не сдастся, ведь характером она, как и я, пошла в отца. Тот если что-то решит - хоть ты его живьем режь, с намеченного курса ни за что не сойдет. - Деньги получила?

- Да. Звонить не стала, боялась, тебя разбудить. Кто знает, какой у тебя там график! Спасибо тебе.

- Глупости. Брат я тебе или кто?

Хороший вопрос. От которого, я уверен, ей тоже становится не по себе.

Поднимаю глаза к небу, и ловким движением отправляю солнечные очки на их законное место - смахиваю со лба пластиковую оправу и, наконец, перестаю щуриться, спокойно разглядывая пылающий диск сквозь темные стекла.

- Так что там твой Руслан Сергеевич? Бить больше не стал?

- Нет, - да если бы и захотел, вновь такой радости я ему не

доставлю: от прошлой встречи с его ребятами, с которыми я не раз опрокидывал кружку-другую пива после тяжелого рабочего дня, кости до сих пор ноют. - Теперь я, Наташка, таксист.

И самому смешно от женского хихиканья, мгновенно перерастающего в лающий кашель.

- Подружку его по Москве катаю: достопримечательности показываю, пакеты с покупками в багажник складываю, приглядываю, чтобы она себе нового мецената не подыскала...

- Ужас какой! Любовница? - даже про ОРЗ забывает, от удивления переходя на крик. - Вот чего мужикам не хватает? У него ведь жена красавица!

Красавица. Только с новой его любовью уже не сравнится: от былой прелести известной модели, после сорока открывшей в себе страсть к созданию собственной линии одежды, уже мало что осталось, да и то, что все - таки удалось сохранить, приходится поддерживать с помощью именитых хирургов. Что делать, такой ей супруг достался: чем старше становится, тем чаще поглядывает на сторону. Может, и сам желает почувствовать себя молодым, поэтому и выбирает девчонок, ничего в этой жизни не смыслящих...

- И как она? Ничего?

- Смотря, с какой стороны посмотреть: есть чем полюбоваться, но в голове ветер гуляет. С придурью, - смягчаю, ведь на самом деле Юлия Константиновна от ангела далека. Три дня мои нервы на прочность испытывает, отдавая бестолко-

вые распоряжения.

- Вот тебе и семейная жизнь, Макс. Душу перед вами выворачиваешь, а вы и не цените вовсе, - а это уже личное. Рана в ее сердце, что вот уже третий год никак не заживает, ведь брак моей младшей сестры рухнул в один миг из-за такой вот разлучницы. Вздыхаю, отталкиваясь от машины, и прохожусь рукой по волосам, жалея, что, вообще, поднял эту тему. С женщинами, познавшими предательство, подобное лучше не обсуждать, не бередить лишний раз их шрамы, что нет-нет да постанывают где-то там, глубоко внутри.

- Ты не кипятись, ладно? - Наташа первой нарушает молчание, перед этим наверняка тряхнув головой. - Здесь ты такую работу себе не найдешь, а если Тихомирова подведешь еще раз, он явно не побрезгует, подпортить твою трудовую.

Знаю. И именно поэтому уговариваю себя держаться - даже если моей начальнице придет в голову заставить меня сплясать польку, отказать я не имею права. Идти работать по профессии в тридцать, без стажа и связей - рискованно. Тех денег, что мне платит Тихомиров, ни один начальник простому менеджеру не отстегнет...

- Макс, - сестра отвлекает меня от тяжелых мыслей, - обещаешь? Даже если она тебя вконец доконает.

- Ладно. Никитке привет передавай, и маму от меня поцелуй. Надеюсь, приеду на следующих выходных, - улыбаюсь, чувствуя себя лучше после двухминутного разговора с семьей, и даже мысль, что этот день я проведу в компании

злобной мегеры, дорвавшейся до многомиллионных счетов своего спонсора, уже не кажется такой невыносимой.

- Наговорился? - медленно разворачиваюсь и замираю, изучая стоящую передо мной девицу, что недовольно отстукивает носком туфли нервный ритм, и даже не думаю сомневаться - мое мнение о себе она все же услышала. Сверкает своими янтарными глазами, прикусив нижнюю губу белоснежными зубками, и еще больше заводится, стоит мне приветливо улыбнуться.

- Нарядился как клоун. Когда я говорила, что костюм необязателен, я предполагала что-то другое. У тебя что, штанов поприличней не нашлось?

Юля

Значит, с придурью? Не свожу глаз с человека, чьи загорелые крепкие руки терзают пластмассовую зажигалку, прокручивая ее между пальцев, и едва ли не усилием воли заставляю сердце сравнять свой ритм. Я предложила ему дружбу! Я! Со мной прежде такого никогда не бывало, и как показывает опыт, не стоило и начинать: если решила быть стервой, будь ей до конца, не пугая окружающих спонтанными вспышками доброты. Они от этого теряются - несут бред о несуществующих запретах, отводят взор, то ли из страха, что ты успела заметить секундную заминку перед их твердым отказом, то ли от раздражения, ведь вероятность того, что твоя пустая болтовня им просто неинтересна, никто не отменял.

- Серьезно? Ты что школьник или торговец с рынка? -

веселю его напускным недовольством и с шумом выдыхаю, ведь отвечать мне никто не торопится. Мужчина лишь еле заметно приподнимает уголки губ и уже склоняет голову ниже, не позволяя мне увидеть, как улыбка обнажает ряд белых прямых зубов.

Пасмурно стало. Того и гляди, обещанный синоптиками дождь застанет меня у дверей иномарки, что мой водитель в шортах бермудах совсем не торопится открывать. Стоит, даже не подозревая, как мне хочется запустить в него сумочкой и исподлобья нагло скользит по моему телу своим помужски цепким взором.

Нужно было другое платье надеть. Это в цветочек, уж слишком легкомысленное: одни рюши по краю короткой юбки чего стоят... Мне ли читать нотации по поводу внешнего вида?

- В ЦУМ? - вместо того, чтобы хоть как-то оправдаться, Максим, наконец, вспоминает о своих должностных обязанностях. Обходит автомобиль и галантно открывает пассажирскую дверь.

Может, я и погорячилась... Не так уж и плох Костров, хотя бы гадать не приходилось, что творится в его голове: если злю, то задышит громче положенного, если притихну, даже в сторону мою не взглянет, сконцентрировавшись на дороге. А этот как робот - молчит и даже бровью не ведет на очередную блажь, что приходит мне на ум.

- Круассаны привез? - в сторону его не смотрю, предпочи-

тая оценивать двух поборниц морали, что уже шушукаются на скамейке, время от времени бросая любопытные взгляды в нашу сторону.

- Конечно, - произносит и уже протягивает мне бумажный пакет. Сегодня с шоколадом... должны были быть.

- Ума не хватает запомнить название? - пыхчу и выставляю руку, ожидая, когда эта безэмоциональная машина вложит в мою ладонь помятый чек.

Маленькая месть. Совсем крохотная. Не захотел человеческого отношения, получай по заслугам - мотайся на другой конец города, чтобы к десяти утра радовать свою хозяйку выпечкой, к которой я в принципе равнодушна.

- Гадость.

И это я не о чертовых слойках. О ситуации в целом: зачем я, вообще, выкладывалась на полную, ублажая Тихомирова, если вместо долгожданного союзника получила его - Бирюкова, что скорее умрет, чем произнесет хоть слово? Знала бы, припрятала свой лучший комплект подальше, и так яростно не терзала бы мужские губы, ведь, по сути, изменилась лишь оболочка. Возит меня теперь не занудный усач, а немногословный Аполлон, от чьего присутствия атмосфера в салоне отнюдь не улучшилась.

- Ну, простите, - я от неожиданности даже давлюсь, а он и не думает переждать, когда уймется мой кашель. - С шоколадом все разобрали.

- И неудивительно! Вот поэтому ты и крутишь баранку

чужой машины - слишком медлительный. Сколько тебе?

Я откладываю десерт, брезгливо стирая с пальцев сливочный крем бумажной салфеткой, и ерзаю на сиденье, желая видеть лицо своего шофера, когда буду высказывать ему все, что во мне накипело.

- Тридцать, максимум тридцать два?

- Двадцать девять.

- Немногим лучше. Один черт четвертый десяток маячит на горизонте, - зачем-то жестикулирую, уже не в силах остановиться. Костьми лягу, но пробью брешь в его обороне: не только ему любоваться моими вмиг покрасневшими щеками, стоило простому шоферюге так демонстративно проигнорировать протянутую ладошку. В жизни так не пылала, а это ли не повод для мести?

- И что мы имеем? На тебе подростковые шорты и оклад в двадцать тысяч, - или сколько ему там платят?

- По-вашему, в этом есть что-то унизительное? Работать водителем?

- Конечно. Мужчину делают мужчиной вовсе не яйца, - философски растягиваю, гордо задрав нос. - И женщины клюют вовсе не на их звон.

- А на что же тогда? - ухмыляется и наверняка жаждет ткнуть себя пальцем в грудь, со словами: «Брось! Именно это вас и привлекает, и я живое тому подтверждение!»

- Шутишь? Уж явно не смазливая мордашка и гора мускулов. Какой с них толк, если дальше тебя ждет одно лишь

разочарование? Поверь, желающих терпеливо ждать, когда же взрослый мужик, наконец, состоится, не так уж и много. Так что лучше бы мозг свой развивал, чем на турниках потеть, - знаю. Грубо. Произношу раньше, чем успеваю подумать, и теперь мужественно сдерживаю щекочущее язык извинение. Не в моих это правилах, слова назад забирать. Да и будем честными - он сам напросился. Никто его не заставлял перемывать мне кости в разгар рабочего дня! Мог бы и до вечера потерпеть, чтобы сообщить кому-то из близких, что он выгуливает безмозглую Тихомировскую собачонку.

- И что же тогда? Деньги? - впервые за неполные четыре дня нашего напряженного сотрудничества, Бирюков награждает мою скромную персону своим вниманием: открыто сверлит мое лицо хищным взглядом и так недобро ухмыляется, что мне сразу становится душно. Господи, не от страха, не подумайте! Все дело в погоде, что портится на глазах, заставляя горожан затаить дыхание в преддверии долгожданного ливня. Не его же бояться - пальцем щелкну, и вновь притихнет, испугавшись грозного начальника.

- Они самые. А также возможности, что они открывают. А у тебя что? Из перспектив только одно повышение - вдруг Руслан снизойдет и разрешит тебе хоть разок усесться за руль его новенького Porsche!

Своей цели я не добилась. Напротив, вместо алых пятен на небритых щеках заходятся желваки, а сквозь загар проступает бледность. И не болезненная вовсе, словно я нанесла

ему душевную рану, задев за живое, а холодная, пугающая - яркий признак злости, от которой даже глаза его становятся темнее. Горят огнем, заставляя волоски на моих руках вставать дыбом...

- Что? - мне бы смолчать, только мало кто занимался моим воспитанием. Разве что бабушка наставительно причитала, что когда-нибудь найдется тот, кто не поленится укоротить мой язык. - Разве не правда?

- Жаль, Юлия Константиновна, - цедит сквозь зубы, развернувшись к лобовому стеклу, - что ваши понятия о жизни так ограничены.

- Это еще почему?

- Потому что не все меряется деньгами. И если быть честным, уж лучше баранку крутить, чем...

Не договаривает. Лишь многозначительно смотрит на меня в узкое зеркало, ехидно приподняв бровь, а я уже ощущаю жар, что горячей волной поднимается из груди, даже уши мои окрашивая пунцовым цветом.

- Это на что это ты намекаешь?

- Ни на что. Лишь говорю, что в моей профессии нет ничего зазорного. И если вас это хоть немного успокоит, платят мне на порядок больше.

Глава 8

Не суди, да не судим будешь - звучит красиво, а на деле почти невыполнимо. Крепче сжимаю руль, невольно вдавливая в пол педаль газа, и стараюсь выровнять дыхание. Знаете, я жалею, что мой шеф на старость лет не поехал крышей и не завел интрижку с мужчиной. Не будь моя начальница женщиной, я бы быстро заставил ее пожалеть о каждом сказанном слове. Хорошенько встряхнул бы и без устали вдалбливал железным кулаком житейскую истину в эту пустую голову...

- Придурок, - шепчет, правда, недостаточно тихо, чтобы это оскорбление не коснулось моих ушей, и переползает на сиденье прямиком за спинку моего кресла.

Бесстрашная, сказал бы я, не знай, что все эти помои льются из ее рта не от большого ума...

- Музыку прибавь.

Наверное, вот оно наказание - ни сам факт, что теперь я прикован к розовой иномарке, а наличие этой девчонки в тесном, невыносимо тесном, салоне огромного внедорожника. Руслан знал, что мы не сумеем найти общий язык - я вспыльчив, а она ничего не смыслит в общении с подчиненными. Мнит себя королевой, не слишком-то переживая, что диадема ее красуется не на макушке, а где-то ниже поясницы, на том самом месте, что так привлекло ее благодетеля.

Чем ближе величественное здание универсама, тем больше сгущаются тучи над москвичами: небо стремительно чернеет, и лишь редкие вспышки молнии на усеянном тяжелыми облаками полотне, разбавляют мрачную картину и без того невеселой пятницы - выходные в моем плотном графике не предусмотрены, а значит подобно многим торопиться домой в предвкушении отдыха мне не светит. Провожаю спину Юлии Константиновны недовольным взглядом и очень надеюсь, что золото, которым она увесила тонкую шею, послужит магнитом для электрического разряда.

- Бред какой-то, - прохожусь ладонями по уставшему лицу, поражаясь, что всего лишь за несколько дней хрупкая девушка умудрилась превратить меня в монстра, который только и делает, что раз за разом в своей голове заставляет ее замолчать навеки. - До чего ты докатился, Бирюков?

Юля

- Я ему так и сказала: либо женишься, либо ищешь себе другую дуру, которая согласится годами выслушивать твои отговорки, - Дарина обводит глазами стол и, выдержав театральную паузу, вытягивает перед собой правую руку. - Я замуж выхожу!

Так просто? Хватаю ее тонкие пальцы и с завистью разглядываю на свету внушительный бриллиант в оправе из белого золота. Она со своим режиссером всего лишь полгода, а уже выбирает подвенечное платье. Где справедливость?

- Счастливая, - не без зависти в голосе тянет Оля Суво-

рова, в отличие от меня не порываясь коснуться чужой побрякушки. Милая, голубоглазая шатенка в легком платье изо льна, расшитом по подолу замысловатыми узорами, прикусывает нижнюю губу, без прежнего энтузиазма ковыряя вилкой салат. Ей наверняка понятно, отчего я хмуро свожу брови на переносице и залпом осушаю приторный коктейль через закрученную в спираль соломинку. Она моя подруга по несчастью - уже год ходит в любовницах у известного депутата и уже вряд ли верит, что тот когда-нибудь разведется с женой. Дети, положение в обществе и грозный тесть, что без труда положит конец его политической карьере - держат получше любовных уз. Видите, порою чувства совсем не нужны, люди и без них неплохо сосуществуют...

- Господи! Я и сама не верю, что все так удачно сложилось! Во вторник даем интервью известному изданию, и больше никто не станет шептаться за моей спиной, что у нас с Вадимом Викторовичем несерьезно!

Бросьте, разговоров будет в десятки раз больше! Ее жениху шестьдесят восемь: трое взрослых детей, младший из которых на десять лет старше Дарины, две бывшие жены, что не забывают поливать грязью свою преемницу, и с десяток пузырьков с пилюлями на полочке в ванной, без которых известный режиссер, славящийся своей страстью к алкоголю, вряд ли дотянул бы и до пятидесяти. Только ленивый не станет обсуждать двадцати четырехлетнюю девчонку, что не сегодня завтра станет законной претенденткой на его много-

миллионное состояние.

- А Илья на мне никогда не женится, - Суворова приглаживает подол летнего сарафана и, отвернувшись, как ей кажется, незаметно смахивает со щеки слезу, тут же потупив свой взор в тарелку. Нет ничего хуже, чем влюбиться в чужого мужа, и нет ничего ужаснее, чем осознание, что тебе он принадлежит лишь пару часов в неделю. Между вами могут быть десятки разговоров о любви, и каждый из них подобен острому клинку, вогнанному в сердце.

Кто-нибудь задумывался, почему в обществе принято жалеть обманутых жен? Почему именно им протягивают накрахмаленные платки и, гладя по сгорбленной спине, шепчут слова утешения? Может быть, жертва вовсе не эта дама, что расслабленно выдохнула, нацепив на палец обручальное кольцо, а та, что прижавшись к дверному косяку, тоскливым взором провожает спешно натягивающего пальто мужчину? Она, знаете ли, тоже умеет чувствовать, тоже на что-то надеется, тоже о чем-то плачет, когда насытившийся ласками чужой муж, оставляет ее наедине со смятыми простынями...

- Вот ведь сволочь! - согласна, случай не мой и если когда-то я и разревусь, то вряд ли от тоски по Руслану, но за несчастных женщин, что когда-то по неосторожности обратили внимание на несвободного мужчину, хотелось бы заступиться. Вовсе не они виноваты в том, что чей-то брак дал огромную трещину, и глава семьи побежал искать утешения в чужих объятиях. Может быть, стоит перестать корить дру-

гих в том, что ваши чувства угасли и единственное, что между вами осталось - привычка?

- И черт с ним! Другого тебе подберем, что на твоем Верховском свет клином сошелся? - новоиспеченная невеста сияет ярче новогодней елки, в то время как я предпочла бы сбежать подальше от этого шума, чужого счастья и постоянно снующих по залу официантов, что позвякивают посудой на деревянных подносах. Ей простительно, это не ее едва ли не прямым текстом назвали продажной...

Макс прав, ведь так? Господи, знаю, и вовсе мне не впервой слышать подобное в свой адрес: слава богу, соседки попались мне разговорчивые, так что при всем желании самообманом мне заниматься не позволяют. Того и гляди, скоро начнут обливать зеленкой или бросать мне в спину мелкую гальку... Да и вовсе не страсть толкнула меня в Тихомировские объятия. Лишь расчет - сухой и напрочь лишенный романтической мишуры, что заставляет сейчас одну из нас обливаться слезами, отправляя в рот безвкусную зелень.

Только взгляд его из головы не идет: смотрят эти черные омуты не с осуждением. С презрением, не иначе! И бровь ползет вверх не от страха, что за свои недвусмысленные намеки он может поплатиться заветной должностью, а от превосходства, ведь эта прямая спина, уверенный взгляд и сталь в голосе говорят красноречивее его слов - он считает себя лучше меня. Он! Тот, что трудится за копейки, вечерами возвращаясь в крохотную комнатушку!

- Чего молчишь, Юль? - не знаю, о чем говорили девушки, и теперь удивленно блуждаю глазами по их лицам. Я пропустила что-то важное?

- Сама выбирала? - Дарина даже вперед подается и, кажется, того и гляди уложит свою ладошку на мой лоб, чтобы убедиться, не тронулась ли я умом от подскочившей температуры. - Мне Ильин тоже машину обещал. Тем более что права я давно получила.

А я получила водителя... Господи, может взять пример со Смертиной и выучить правила, чтобы больше не отравлять свою жизнь присутствием сомнительных личностей? Я ведь училась не так уж и плохо, неужели не осилю парочку дорожных знаков?

Киваю, оставляя без внимания насмешку в ее глазах, и обреченно вздыхаю, прокручивая вишенку за тоненький черенок. Мое настроение окончательно испорчено.

- Кстати, я слышала, что Тихомирова готовится к показу. Моя подруга будет его закрывать. И мне предлагала по подиуму пройтись - она крутит интрижку со Светкиным бизнес-партнером - но мне карьера модели без надобности. Сами знаете, какой Вадим Викторович ревнивец, не дай бог передумает, и не видать мне московской прописки.

Вот видите! Я не одна такая - нас миллионы бродят по столичным улицам, заманивая в свои сети перспективных женихов! Кто-то специально высиживает их в ресторанах, кто-то строит глазки в очереди за стаканом кофе, кто-то, нацепив

единственное приличное платье, посещает выставки... И не переживают! Так с чего я должна размышлять над словами водителя, которого уже завтра могу заменить другим?

Веду головой, приводя в движение распущенные локоны, и заставляю себя взбодриться - еще не хватало впадать в депрессию после перепалки, что сама и заварила! Ерзаю на небольшом диванчике, склоняясь ниже к своей собеседнице, и намеренно не опускаю взгляд ниже, не желая в очередной раз разглядывать кольцо, что она словно специально прокручивает на пальце.

- Правда? Я бы не отказалась сходить, - улыбаюсь, наперед зная, что Дарина расшибется в лепешку, но добудет нам пригласительные. Если я ее недолюбливаю, виртуозно скрывая свои чувства, то Смертина в своих проявлениях довольно искренна - часто звонит, следит за моим профилем в социальных сетях, не забывая восхвалять мою красоту в комментариях, и расстраивается не на шутку, когда за очередной чашечкой кофе я принимаюсь жаловаться на свою судьбу. - Уверена, коллекция у нее неплохая. Руслан говорит, в поисках вдохновения она исколесила полмира.

- Ага, сейчас вот в Лондон махнула. Укатила, наплевав на подготовку к показу. Ее партнер рвал и метал, когда она отказалась отложить поездку. У нее, видите ли, пятнадцатая годовщина брака! - сама того не подозревая, Дарина толкает меня в бездну: чувствую, как пол под моими ногами расходится, и я стремительно лечу вниз, не ощущая ничего кроме

злости и разочарования.

Работа? Кажется, именно ей прикрывался Руслан, уверяя, что в Англию летит по делам? А что на деле? Его жена позирует на фоне Биг-Бена и не забывает лучезарно улыбаться, ведь фотографирует ее не кто иной, как дорогой муж... Вот оно невезение - за что не возьмусь, ничего хорошего у меня не выходит.

Глава 9

Максим

- Вот это я понимаю отдых! Ты где-нибудь ел такие шашлыки? - Костров неловко плюхается на скамейку, потуже обвязывая вокруг бедер простыню, и проходится ладонью по взмокшему лбу.

Где-то за нашими спинами ребятами сокрушаются отборным матом, ругая друга за излишнюю грубость. Сегодня за веник взялся Звягинцев - пожилой мужик с наголо выбритой головой и пушистой «опушкой» седых волосков на крепкой груди. Что есть мочи лупит своих подчиненных березовыми ветками и поддает жару, то и дело плеская ковш воды на каменку. Именно на его должность я так метил, и именно он когда-то советовал Тихомирову ко мне присмотреться. И если на посту начальника охраны я бы с легкостью его заменил, то до банщика мне еще далеко, ведь хватило меня от силы на пару минут на нижнем полоке.

- Мясо как мясо, - не разделяя общего веселья, я просто смотрю вдаль, получая удовольствие не от шумного сабантуя, покупного шашлыка и пакетированного сока, а от красоты, что открывается взору с моего места. Небольшое озеро с прохудившимся мостиком, по которому отваживаются пройтись лишь подвыпившие приезжие, колодец, дорога к которому заросла осокой и жгучей крапивой, частокол вокруг

небольших участков, которые хозяева навещают так редко, что от дождя и снега деревяшки прогнили и местами лишились краски, и воздух - чистейший, без примеси паров, выбрасываемых автомобилями и химзаводами.

- Ничего ты не понимаешь, Максим! Зеленый совсем: вам бы курорты подавай, - Леня по-хозяйски шарит под лавкой и, откопав пыльную банку, ставит ее перед нами. - Вместо пепельницы, а то теща меня убьет, если хоть один окурок после нас останется.

- Вот еще! Говоришь так, словно моя мать мегера, - Карина, перевесившись через окно, легонько отвешивает ему подзатыльник и, скрипнув половицами, уже ступает босыми ногами на землю. Красивая, и не скажешь, что пятый десяток в этом году разменяла. Скачет на носочках, улыбаясь, как девчонка, и взгляд моего товарища мгновенно теплеет. - Ругается она вовсе не из-за бычков, а из-за того, что дымишь ты как паровоз! Сил моих уже нет бороться, сам травишься, еще и молодежь своим дурным примером заражаешь.

И не поспоришь ведь. За этот вечер, что провел в компании семейства Костровых, я приговорил половину пачки - во рту сухо, словно это не я только что опрокинул кружку компота, а внутри тошно, и от никотина, и от жизни, что в последнее время совсем не радует. От работы, что больше не приносит мне удовольствия, от графика, в котором нет никакой стабильности и от одиночества, что после парочки рюмок горячительного ощущается особенно остро. И я сейчас

вовсе не о женщинах, о семье, что я, кажется, увижу нескоро.

- Как твоя мама? - словно прочитав мои мысли, обращается ко мне хозяйка небольшого домика с синими ставнями.

- По-старому. Врачи дают год, не больше.

Когда-то я ее ненавидел. Так люто презирал, всей своей детской душой противясь встречам, что неминуемо настигали меня по субботам - она садилась в автобус и три часа тряслась по разбитым дорогам ради нескольких часов рядом с сыном - что все больше молчал, упрямо воротя нос от привезенных подарков. Помню, как она плакала, прижимая к груди кулачок с зажатым в пальцах платком, а я просто пялился в стену, словно и нет никого в комнате, что незадолго до ее ухода из семьи отремонтировали, поставив в угол детскую кроватку с розовым балдахином. Ненавидел, а теперь дико корю себя за то время, что отобрал у самого себя...

- Наладится все, Максим. Тихомиров человек отходчивый, и если помощь пообещал - слово сдержит, - а это уже Костров касается моего плеча, даже не поморщившись от крепкой настойки, что готовит его тесть. - Главное, не дури, и все пройдет как по маслу - и денег подзаработаешь, и мать на ноги поставишь. А там и до начальника охраны недалеко. Не так уж и близок он со своей племянницей, чтобы крест на тебе ставить, ты ведь у него в любимчиках. Наказывает скорее для проформы, чтоб в следующий раз на его женщину не позарился.

А вот это вряд ли. Вспоминаю Юлию Константинову, что

пару часов назад в полнейшем безмолвии мчал по Москве, и руки сами собой сжимаются в кулаки. Кто угодно, но ни эта змея, что своими глазами наверняка просверлила дыру в моем затылке. Того и гляди, вооружится десертной ложечкой и выковыряет мой мозг, в конечном итоге бросив в канаву мое бездыханное тело. Таких не любят, ведь отдачи ждать придется долго, а вечности в моем запасе нет.

- Чего мы все о грустном? - Ленька встает, резво ударяя своими лапищами по полным бедрам, что вот-вот оголятся, ведь узел простыми на его плече грозится в любую секунду развязаться. - Айда купаться! Сейчас мужиков позову и в пруд! Только футболку на берегу снимай! Моя Люська и так с тебя глаз не сводит.

- Папа!

- Что папа? Иди математику учи! Девятый класс на носу, а в дневнике одни тройки! И шорты эти, чтобы я больше на тебе не видел: нечего на всю округу коленки светить!

Вот она идеальная семья: ругаются беззлобно, подтрунивают друг над другом только лишь для того, чтобы вместе заливисто посмеяться над самой удачной шуткой, выходные проводят на даче, пусть и предпочли бы каждый заняться своими делами. Петрович бы с удовольствием закрылся в гараже наедине со своим новеньким Рено, Карина обложилась бы книгами по психологии, направив все силы на сбор интересных статей, которыми в сентябре поделилась бы со своими студентами, а Люда... А черт его знает, чем занимаются

девчонки в четырнадцать... Я с сестрой не жил, и ведать не ведаю, как она проводила свои свободные вечера.

- Ты папку не слушай, - стоит мне выбраться на берег, точная копия своей матери протягивает мне махровое полотенце, намеренно прячась от шумной компании разгоряченных мужчин за высокими кустами. - Вовсе я в тебя не влюбилась. Старый ты уже, да еще и бабник.

Двадцать девять, а меня уже в пенсионеры записали! Впрочем, передо мной ребенок, может и к лучшему, что разница в пятнадцать лет кажется ей непреодолимой пропастью.

- Это кто это тебе такое сказал?

- Папа. Слышала, как он с мамой обсуждал, что все проблемы в твоей жизни из-за того, что ты мимо короткой юбки пройти не можешь.

Деловито поправляет указательным пальцем солнечные очки и, тряхнув короткими волосами, добавляет:

- И у меня, вообще, парень есть. Димка Нагорный с параллельного класса. Мы с ним и в кино уже ходили. На последний ряд.

- Прямо-таки на последний? А Ленька в курсе?

- Нет. И ты не говори. Мы с мамой в секрете держим, уж больно он у нас вспыльчивый. А у Нагорного брат в полиции работает. Не дай Бог, посадит.

Я смеюсь, хоть какая-то часть меня все-таки не отрицает возможности, что Петрович схватится за охотничье ружье, если узнает про дочкиного жениха, а Люська продолжа-

ет разглядывать татуировку на моем плече.

- Я себе тоже набью. На лодыжке. Как только восемнадцать исполнится.

Какие еще сюрпризы она для своего родителя приготовила?

- И сразу в загс, да? С Данькой Нагорным.

- С Димой, - обиженно надувает губы, тронутые бесцветным блеском и садится рядом на горячий песок, поглядывая на моих сослуживцев. - И глупости это. Какая свадьба в восемнадцать? Лет в тридцать, не раньше. Когда институт закончу, на работу выйду и квартиру куплю. Не с родителями же мне жить.

Не знаю почему, но слушая школьницу, невольно вспоминаю Щербакову. Интересно, ей, вообще, такие мысли в голову приходили? Видела ли она, каким восторгом могут загораться глаза, стоит человеку только представить, что совсем скоро он обретет независимость и сможет с гордостью трясти перед чьим-то носом дипломом? Что есть другая жизнь, где свое тело ты отдаешь тому, в чьем взгляде читаешь любовь? Что ждешь ты по вечерам не престарелого бизнесмена, лишь на пару часов заглянувшего на огонек, а мужчину, с которым утром усядешься за один стол, щедро поливая блины на его тарелке кленовым сиропом? Жизнь, в которой соседи не бросают тебе в спину камни, а непременно здороваются, и стоит тебе скрыться за углом, принимаются восхвалять тебя, веря, что современное поколение еще не потеряно?

Бред какой, чего, вообще, я переживаю за ее душу? Будем честными, в аду, где ей наверняка уготовано место, я подбрасывал бы углей в костер, чтобы ее сковородка хорошенько прогрелась...

- Это койот?

- Волк, - разворачиваюсь, позволяя девчонке разглядеть рисунок на моем плече, и уже отыскиваю глазами в куче барахла свою футболку. Все-таки одеться не помешает. Ни к чему портить жизнь этому Димке, который со своими прыщами и легким пушком над верхней губой наверняка проигрывает мне по всем фронтам.

Глава 10

Юля

Прощаясь с прошлой жизнью, главное, не позволять чувствам брать верх над холодным рассудком. Я справилась с этим виртуозно: без лишних слез избавилась от совместных фото на своем мобильном, сожгла чертову майку, производитель которой вряд ли догадывался, какую роль кусок дешевой материи сыграл в моей судьбе, и сменила номер, лишь одному человеку сообщив заветные цифры.

- Я скучаю, Юль, - тоскливо вздыхает Соколова, подруга детства, с которой мы покорили не одно дерево. Забирались на самый верх, без зазрения совести ломая ветки под своими ногами, и до отвала объедались черемухой, заливисто хохоча, когда терпкая ягода окрашивала языки в синий цвет. Она знает меня как никто и никогда не пытается судить: жалеет, любит - неважно, чтобы я не совершила, осуждения в ее взгляде мне видать.

- Я знаю, - горько, но изменить хоть что-то я не в силах. - Но ты всегда можешь приехать. С деньгами я помогу.

Их у меня теперь предостаточно. Конечно, меньше, чем у Светы, но отказываться от своей идеи стать Тихомировой я не планирую. Роюсь в шкафу, зажав плечом мобильный, и всерьез ломаю голову, какое из платьев выбрать: белое - цвет невинности и чистоты, или черное, что куда больше отража-

ет мою сущность.

- Не могу. У меня ведь свадьба на носу. Две недели осталось, а дел невпроворот. До сих пор не решила, как столовую украшать.

Только зачем? Разве цветы или воздушные шарики смогут скрыть убогость местной забегаловки, избавить помещение от запаха тушеной капусты и рыбных котлет? Как не старайся, обертка ситуации не исправит, только невесте об этом лучше не говорить - она в кредит влезла, чтобы накормить сорок голов не самым вкусным тортом.

- И место для тебя я до сих пор берегу. Так что, если вы с Русланом надумаете...

- Шутишь? Потом разговоров не оберешься, - да и есть оливье в компании простых работяг мой банкир вряд ли решится. Даю голову на отсечение, что он ничего не смыслит в соленой селедке, для красоты приправленной свежей петрушкой, и уж точно не получит удовольствие от жирных отбивных. Не дай бог, отдаст концы от ударной порции холестерина, так и не доведя меня до стойки регистрации.

- Да кому какое дело? Любовь она ведь о возрасте не спрашивает! Артем на два года младше меня, и что? Разве мы с ним не счастливы?

Господи, она не меняется. Все так же верит в настоящие чувства и до сих пор грезит, что в один прекрасный момент я, наконец, пойму, что вовсе не деньги заставили меня оказаться рядом с Тихомировым. Запоздалое прозрение, кото-

рое, по ее словам, неминуемо.

- Ты беременна, Соколова. Так что шансов найти себе подружку помоложе ты своему жениху не оставила. А меня и так недолюбливают, зачем подкидывать лишнюю тему для сплетен?

- Это ведь важно для меня, Юлька... Один раз и на всю жизнь.

- Поверь, все мы поначалу так думаем. Моя мама тому самое яркое подтверждение. Пять браков за спиной, и каждый для нее был особенным.

- Вот и с ней заодно увидишься. Выглядит она все хуже. Постарела лет на десять. Конечно, с такой-то семейной жизнью!

Видите, я не врала - чувства я отключила, поэтому сердце не пропускает удар, и если меня что и гложет, так простое женское любопытство. Совру, если скажу, что не испытаю радости, узнав, что ее жертвы себя не оправдали - дочери рядом нет, а на любовном фронте никак не вяжется. Надеюсь, хотя бы сейчас Лида осознала, что я не виновата в ее неспособности создать хоть что-то, отдаленно напоминающее семью.

- Не спросишь, как они? - как всегда интересуется с придыханием, невольно понижая голос, и молчит, замерев в ожидании вердикта.

А надо ли? Какое мне до них дело? Только дурак станет переживать о тех, кто когда-то всадил ему нож в спину.

- Нет, - все же решаю, что белый подойдет больше и включаю громкую связь, торопливо избавляясь от пижамы.

- Бьет он ее, Юль. Места живого на лице не осталось. Мама моя говорит, не ровен час, когда он ее на тот свет отправит...

- И пускай, - вздрагиваю от порыва ветра, что пробивается в окно, и с шумом его захлопываю. - Сама виновата, кто ее просил с ним связываться? Еще и ребенка рожать?

- А мальчик у них чудесный. Светленький такой, и глаза голубые...

- Да хоть серо-буро-малиновые. Я же сказала, мне неинтересно.

- А вот тетя Лида о тебе спрашивает. На днях столкнулась с ней во дворе, так она минут десять меня не отпускала.

- Да что ты? Как мило! Мне прямо сейчас прыгать на поезд и мчаться на всех парах воссоединяться с семьей? - бросаю ехидно, не с первого раза справляясь с молнией. Комната успела остыть, аж мурашки по коже бегут.

- А почему бы и нет? Неужели не хочется увидеть братьев?

- Рыжего, например? Конечно, всегда мечтала вновь столкнуться с этим толстяком. Пожалуй, привезу ему пончиков из лучшей кондитерской...

- А он и не толстяк вовсе. В футбол играет, вытянулся... А Артурчик какой красавец! Чувствую, не одно женское сердце разобьет этот мальчишка, когда вырастет.

Еще бы. Его отец это делал виртуозно - просто исчез, ве-

чером не вернувшись с работы, а от палатки с его овощами осталась лишь зловонная куча гнилых помидоров, что хозяин не удосужился убрать, впопыхах отчаливая на родину. Что-то не поделил с коллегами и бросил мать разбираться с долгами. Небольшими, но когда ты на пятом месяце и дома тебя ждут три ребенка, даже маленькая сумма кажется неподъемной.

- А Леночка ваша год на одни пятерки закончила.

- Третий класс, - усмехаюсь, ведь в начальной школе табелем с отличием никого не удивишь.

Я в ее возрасте тоже блистала - читала быстрее своих одноклассников и злилась, если в домашнем задании допускала хотя бы одну помарку. Поверьте, из меня мог бы выйти толк, не появись на свет Ярик, который своим плачем лишил меня возможности высыпаться перед занятиями.

- Тем более она у нас белоручка, ничего, кроме книг, в руки не берет, - от одного вида грязных подгузников идет красными пятнами и непременно разрождается кашлем, не на шутку пугая окружающих возможностью лицезреть, как ее желудок расстается со скудным завтраком. Уж очень полезная способность организма, когда на тебя то и дело пытаются переложить обязанности взрослых.

- Так что, ничего выдающегося. Чем ей еще заниматься, если не уроками?

- Не скажи. С Богданом она возится. С коляской у дома каждый день гуляет. Юль, ты бы им помогла... Туго им при-

ходится. Дети ведь не виноваты.

- Не виноваты, - вздыхаю, забывая о расческе, что занесла над головой, желая уложить волосы. - Только не я их рожала. У них мать есть, пусть и разбирается...

- А у тебя жених богатый...

- Любовник, - поправляю, игнорируя недовольное кряхтение подруги. - И посвящать его в семейные перипетии я не намерена. Хочешь, чтобы я со стыда сгорела, случайно столкнувшись с Жорой на улице? Как думаешь, Тихомиров обрадуется, когда поймет, с кем связался - мать посудомойка, а отчим последний забулдыга. Так что и не проси, на свадьбу мы не приедем.

- Тогда одна приезжай, - сотая попытка меня уговорить, которая обречена на провал. Качаю головой, забывая, что девушка меня не видит, и, тряхнув головой, перевожу тему в мирное русло.

- Я задумалась о работе!

- Правда? - Лена принимает мои правила и уже осыпает градом вопросов. - Где? Кем? Господи, ты и место нашла?

- Почти. Как раз собираюсь на собеседование. Решила в модели податься. Как думаешь, я хорошо буду смотреться на подиуме?

- Ну, Юлька! Я уж обрадовалась, думала, что-то серьезное, а ты опять за свое! Когда уже повзрослеешь, университет закончишь?

- В следующей жизни. В этой у меня другие планы...

- Перед фотографами позировать? - она смеется, а я жалею, что нас разделяют тысячи километров. С удовольствием бы запустила в нее своей сумочкой. - Ты для подиума старовата!

- А вот и нет. Как раз-таки в самом соку. И когда я прославлюсь, надеюсь, тебе будет стыдно за эти слова.

Что вряд ли, ведь серьезно связываться с модной индустрией я не планирую. Пожалуй, пары проходов перед жаждущей толпой в платье от Светланы Тихомировой будет вполне достаточно. Тем более что работать я собираюсь лишь на одного зрителя - создательницу известного бренда, что не на шутку меня разозлила своими бесконечными фото на фоне Лондонского глаза или Букингемского дворца. Посмотрим, будет ли она также сиять, когда ее коллекцию представит миру не кто иной, как ее главная соперница. Та, с кого снимать все эти наряды, пестрящие стразами и пайетками, будет ее дорогой супруг.

- И что, в каком журнале тебя искать?

- Еще неизвестно. Я лишь в начале пути - собираюсь на кастинг. Но как только мое лицо украсит глянцевую обложку - вышлю автограф. Отнесешь его Лиде, на память о дочери, что она выставила за порог.

Накручиваю волосы и, взбив пятерней, позволяю им рассыпаться по спине, каскадом спускаясь к пояснице. Моя бабушка уверяла, что густая шевелюра досталась мне от отца - своего зятя она, может, и не любила, так и не сумев про-

стить ему увлечения Верой, зато восхищаться его красотой не стеснялась. «Понимаю я Лидку, как тут голову не потеряешь: косая сажень в плечах, волосы густющие, хоть гнездо вей, и глаза синие-синие. Дьявольски красив! Так ее окрутил, что девчонка обо всем на свете забыла!» - предварительно отругав поглядывающего со снимка Константина Щербакова, Нюра тоскливо признавала очевидный факт.

- Вы где-то работаете? - удивленно воззрившись на папку в моих руках, Бирюков, плавно выруливает со двора, стараясь не окатить водой спешащую из булочной Петровну. А зря. Ей бы освежающий душ был бы нелишним - вон как недовольно губы поджала, стоило мне приветливо махнуть ладошкой, нацепив на лицо насмешливую улыбку.

К моему совету Максим все же прислушался: если вчера забирал он меня в черной футболке поло и шортах, позволяющих любоваться крепкими ногами, сегодня надел легкий кашемировый пуловер в комплекте с чиносами коричневого цвета. Хорош. И ровно настолько же отвратителен, ведь стоит ему окатить меня высокомерным взглядом, вся его привлекательность тут же меркнет. Их учат там, что ли, вот так вот смотреть, чтобы по позвоночнику бежали мурашки, а волоски на руках вставали дыбом от лютого холода, что читается в глазах?

- Нет, - нехотя отвожу взор от лица своего водителя и принимаюсь следить за дорогой, придерживая на коленях портфолио. Никогда не думала, что оно мне пригодится, и пози-

ровала перед объективом только лишь ради того, чтобы наполнить свой профиль в социальных сетях красивыми снимками: чтобы кожа без малейших изъянов, прическа - волосок к волоску, и губы зазывно улыбаются... - Но думаю, сегодня я ее найду. Как считаешь, смогу я покорить мировые подиумы?

Вздергиваю подбородок и терпеливо жду, когда же собеседник оценит мои старания: внимательно изучает прическу, не оставляет без внимания тронутое макияжем лицо, чуть дольше положенного удерживает свой взгляд в районе моей ложбинки, и стоит ему остановиться на неприкрытых коленях, хищно приподнимает уголки губ. Как человек я ему неприятна, но как женщина...

- Навряд ли, - словно ушат ледяной воды смывает с моей головы щедрую порцию лака, распрямляя спирали шоколадных локонов, и вот уже впитывается в одежду, вмиг ставшую тесной - от возмущения даже вдохнуть не могу.

- Модели ведь худосочные, - а это контрольный, прямиком в мое сбившееся с ритма сердце.

- То есть? - наверняка белею, ведь прежде мне не приходилось сомневаться в своей неотразимости: одногруппники то и дело отвлекали меня от учебы, заставляя неуютно ерзать на сиденье от их бесконечных перешептываний за моей спиной, Руслан до сих пор сбивается с мысли, стоит мне пару раз взмахнуть своими пушистыми ресницами. Да даже Света, что, сама того не подозревая, испортила это утро глу-

пым селфи, и та не могла скрыть женской зависти! Господи, на кой черт я решила завязать с ним разговор? Вчерашнего было мало?

- Только не говори, что встречал кого-то получше, - ехидно бросаю, наперед зная, что его потолок - двадцатилетняя студентка в драных джинсах. - Или что, к водителям в наше время выстраиваются очереди из длинноногих красоток?

- Ну, может, и не очереди, но красивые среди них были.

Глава 11

Наверное, первое правило успеха - вера. В себя и в собственные силы... Прибавьте к этому природное обаяние, умение поддержать разговор и вовремя улыбнуться, демонстрируя сидящему напротив мужчине ряд ровных белых зубов, и должность у вас в кармане.

- Простите, но кастинг уже прошел. Модели отобраны и вовсю готовятся к показу, - а если не сработает, не стесняйтесь выпускать зверя, живущего внутри вашего хрупкого тела, изгибы которого нет-нет да привлекают внимание Тихомировского партнера по бизнесу. Или доставайте туза из рукава, ведь знакомство с говорливой Дариной порой бывает полезно - если отсеять ее болтовню о дорогих цацках и салонах красоты, легко можно вычленить что-то полезное из ее бессвязного набора слов.

Двигаюсь на краешек удобного стула, перетянутого мягкой шенилловой тканью и, подперев подбородок ладошкой, с вызовом смотрю на бизнесмена. Странный пиджак лимонного цвета, по канту украшенный черной тесьмой, немного отвлекает, и мне то и дело приходится себя одергивать, усилием воли стирая с лица глупую улыбку - как человек настолько близкий к моде, после утреннего душа мог натянуть на себя это?

- Разве, - делаю паузу и закусываю нижнюю губу, с удовле-

творением подмечая, что взгляд серых глаз следит за мной неотрывно, - у вас не найдется одного местечка для девушки, готовой работать не покладая рук? Уверена, я неплохо украшу собой показ, и когда все закончится, вы еще будете смеяться, вспоминая, как чуть не отказали мне в этой работе...

- Скромности вам не занимать, - видимо, Ринат Хабибулин слишком много курит, поэтому его попытка посмеяться над самоуверенной брюнеткой заканчивается хриплым кашлем, остановить которой способен лишь стакан воды.

Быстро встаю, уверенно двигаясь к небольшому столику с десятком дорогих бутылок, и щедро плескаю в стакан боржоми.

- Спасибо. Здоровье ни к черту, а с этой нервотрепкой отлежаться в постели времени нет. Чуть меньше трех недель до грандиозного события, а мой партнер...

Знаю, знаю. Ваш партнер пытается пробудить в своем муже давно угасшие чувства: ума не приложу, чем Света развлекает Руслана, но и сама начинаю нервничать, ведь вместо обещанной недели, его деловая поездка затянулась на долгие девять дней...

- Вот видите. Меня вам сам Бог послал. Поверьте, ничто так не украшает красивое платье, как женщина, от которой веет уверенностью. Один проход - для вас малость, а мне приятно.

- С чего я, вообще, должен вам помогать? - его от природы узкие глаза с прищуром глядят в мое свежее лицо, в ожида-

нии ответа. - Снимки неплохие, но скорее любительские.

- А разве для добрых дел нужна причина? Считайте, что помогаете начинающей модели сделать первый шаг в мир высокой моды.

- Я бы, пожалуй, помог, если бы видел потенциал...

- А разве его нет? - встаю, задвигая темно-зеленый стул, и отступаю назад, желая продемонстрировать работодателю, что все необходимое в моем арсенале имеется: рост, вес, ноги прямые, и высокие шпильки проблем мне не доставляют. Хоть марафонский забег беги! Прохожусь по прямой, пусть и чувствую себя глупо, ведь рот Хабибулина уже искривила ухмылка, и, закончив шествие, кокетливо улыбаюсь. - Чем вам не модель?

- Юлия...

- Константиновна, - прихожу на помощь, ведь он явно не помнит ни моей фамилии, ни возраста, ни хоть малейшей детали из того бреда, что я несла ему о несуществующем дипломе.

- Юлия Константиновна. Боюсь, я не в силах вам помочь. Увы, - даже руками разводит, напуская на лицо сочувствующую гримасу. - Попробуйте в следующем году. Или обратитесь в агентство, где вам подберут пару - тройку заказчиков.

- Не могу. Мне нужны вы, - вновь с диким скрежетом волочу по паркетному полу горемычный стул и устраиваюсь на месте, на манер отличницы оттягивая короткую юбку пониже на голые коленки. - А если я что-то решила, вариант толь-

ко один - сдаться.

- Мне, я так полагаю?

- Боюсь, что так. Тем более что добрые дела очищают ауру. У вас она наверняка темная, - видит Бог, я этого не хотела. - Наверняка, не раз совершали поступки, которыми в обществе кичиться не принято?

Будь на его месте Руслан, меня бы уже закапывали в каком-нибудь лесу... Он уж точно не стал бы бледнеть, медленно расслабляя загорелыми пальцами вдруг ставшую тесной удавку на шеи. Гаркнул бы так, что волосы на моей голове встали бы дыбом, а мысли о шантаже сами собой улетучились. А Ринат же, напротив, молчит, с трудом поборов узел галстука, и прежде чем задать закономерный вопрос бледнеет, интуитивно почувствовав угрозу.

- О чем это ты?

Стоит отдать ему должное: хотя бы выкать перестал, и голос его теперь звучит не так слащаво, словно передо мной не обеспеченный человек лет сорока пяти, а мальчишка, что на досуге распевается в школьном хоре.

- О том, что дети у вас премилые, - не лгу, малышка с черными как смоль волосами, что глядит на меня со снимка, стоящего в самом центре стола, достойна самых звучных эпитетов. - Сыну лет семь, наверное?

Молчит. Даже дышать забывает. Откидывается в кресло и, вторя мне, уже ведет своим взором по детским лицам.

- А жена какая! Кажется, новостной диктор на радио?

Обожала ее музыкальное шоу... Жаль, что проект свернули, - тоскливо вздыхаю и теперь произношу с укором. - Что же вы от такой женщины на сторону бегаете?

- Ты...

- Да, бросьте, - мне ведь и самой неприятно заставлять его краснеть - мне дела до чужих утех нет. Пусть хоть со всеми своими работницами анатомию изучает, только выбора он мне сам не оставил. - Я умею хранить чужие тайны. Кто сейчас не без греха? Не вы первый, не вы последний свою любовницу отправляете показ закрывать! И вот если бы где-нибудь в серединке, я всего разочек могла бы пройтись по подиуму и покрутиться перед фотографами, дальше этого кабинета новость о вашей связи никогда бы не ушла. Так что? Уже чувствуете тягу помогать тем, кто в этом действительно нуждается?

Страшно мне становится лишь на секунду, когда белый как мел брюнет, устроив подрагивающие пальцы на блестящей поверхности стола, приподнимается со своего кресла и, нависнув надо мной, недобро поджимает губы, и без того тонкие и бесформенные. Не знаю, какие слова вертятся у него на языке, но по тому, как дергается кадык, а скулы словно каменеют от силы, с которой он сжал зубы, понимаю, что сдержаться и не размазать меня по стенке ему стоит огромных трудов.

- Как узнала?

Я говорила, что кабинет у него шикарный? Стоило пере-

ступить порог, и я влюбилась в эти фарфоровые статуэтки, что украшают полку над небольшим диванчиком, где, как я понимаю, он обычно попивает кофе с коллегами. Желаю увеличить дистанцию между нами и ретируюсь к этой коллекции слонов, что наверняка принесла в офис его жена.

- Ткнула пальцем в небо, - холодная керамика так и манит коснуться рукой фигурки циркового слоненка, а поводов отказать себе в этом я не вижу. - И видите, не прогадала. Вам бы стоило научиться контролировать свою мимику.

- Положи! - ревет, заметив, что я сняла вещицу с полки, и, низко склонив голову, добавляет уже тише. - Секретарше скажи, чтобы она дала тебе визитку Ануфриевой. Я ее предупрежу.

- Спасибо!

- Рано еще. Дизайнер на днях вернется из Лондона и лично утвердит выбранные кандидатуры, так что дальше все зависит только от тебя.

Вот ведь! Повторюсь, нет у меня к Тихомировой жалости! Как, вообще, можно сочувствовать той, что ведать не ведает о таких понятиях , как гордость и самоуважение? Будь я на ее месте, ни за что бы не позволила мужу пускать в свою постель посторонних, а эта зубами вцепилась... И только и делает, что вечно путает карты! С шумом возвращаю безобразного слона на его место и больше не думаю улыбаться - столько времени потратила на этот выматывающий диалог и вновь должна полагаться на жену Руслана? То развода от нее

жди, теперь вот позорного увольнения...

- А вот тут вы ошибаетесь, Ринат. Место мое. И в ваших же интересах, чтобы до показа ваш партнер обо мне не узнал. Так что звоните-ка своей Ануфриевой и доходчивым языком объясните, что от нее требуется. Репетиции, примерки - я вся ваша, а вот встречу со Светланой лучше отложить до лучших времен. Иначе, громкий скандал в прессе и не менее обсуждаемый развод вам обеспечены. Как думаете, жена простит вам связь с девчонкой, в два раза младше нее?

Все-таки с выбором платья я прогадала. Дьяволицам вряд ли позволено щеголять по улицам в белоснежных нарядах... Ликую и, гордо расправив плечи, лавирую между пешеходами, довольно быстро добравшись до своей иномарки. Кто бы сомневался, что Хабибулин костьми ляжет, но ранить тонкую душевную организацию своей супруги никогда не позволит! Тоном, не терпящим возражений, ввел в курс дела команду и, стоило мне закрыть за собой дверь в его обитель, обрушил на ни в чем не повинные стены поток отборного мата. Такие мужчины, как он, даже не подозревают, в какую зависимость впадают от тех, с кем решаются вспомнить молодость. Ошибочно полагают, что это они короли положения, верят, что сами решают, когда состоится следующая встреча, а на самом деле доживают последние спокойные деньки в террариуме с питоном. Суетливо мечутся из угла в угол, в то время как хищник, свернувшийся в клубочек, лишь потешается, решая в своей голове на какой день назначить празд-

ничный ужин. Один звонок, одна встреча, одна нелепая записка, и вуаля - мышь повержена и место ей в змеиной пасти.

- Я есть хочу, - отбросив портфолио подальше, не слишком-то элегантно устраиваюсь на сиденье. Кого мне стесняться? Бирюкова? - Сбегай-ка ты за бургером.

- Вы провалили кастинг? - слышу и вскидываю голову, тут же встречаясь с парой глаз, воззрившихся на меня через зеркало заднего вида. - Разве, манекенщицы едят фастфуд?

- Едят, - огрызаюсь, ощущая, как на место радости приходит уже хорошо знакомое раздражение. - И разве тебе платят за болтовню? Знай свое место, Максимка. Ноги в зубы, и за едой.

- Отлично. Значит, идите сами. Я не доставщик пиццы. Всего лишь водитель, и как вы успели заметить, запомнить название неспособен. Вдруг что-то напутаю...

- Маловероятно. Если не хочешь, чтобы я случайно, по ошибке, оставила тебя без премии. С каких пор ты так разговорился?

Максим

И сам поражаюсь. Пожалуй, не будь она такой заносчивой, я бы без разговоров принес ей эту злосчастную булку. Пусть в моем договоре подобного пункта нет, но тот же Костров частенько снабжает кофе своего начальника. А так... Злит, до скрежета зубов эта девчонка, что возомнила себя королевой. Разлеглась на сиденье, ничуть не смущаясь показавшегося из-под задравшегося платья белья, что мог бы разгля-

деть каждый пешеход, не позаботься Тихомиров о тонировке стекол, и щелкает пальцами, заставляя меня ускориться.

- Ну так что? Мне Руслану звонить, или все-таки оторвешь свой зад от кресла?

“Ты не кипятись, ладно? Макс, даже если она тебя вконец доконает”, - так вовремя вспоминаю слова сестры и крепче сжимаю пальцы на руле.

Может быть, вот он конец? Тот самый предел, переступив который уже не сможешь рассуждать здраво? Забудешь о болезни матери, о должности, которую до сих пор еще хочешь занять, о зарплате, которой вполне бы хватило на достойную жизнь...

- Капучино возьми. И два сахара.

Нет. Я близок к демонстрации ярости, но все еще контролирую тело. Бесшумно захлопываю дверь и неторопливо бреду к кафе. Чувствовал ли я себя когда-то настолько мерзко? Разве что в детстве, когда парнишка с соседнего подъезда - крупный и совершенно безжалостный - колотил меня за гаражами под гомон звонкого смеха своих товарищей. Вернулся домой побитый, в порванной футболке, которую отец купил мне на днях, и до самого утра не мог сомкнуть глаз, ощущая себя не человеком - грушей для битья, не иначе. Но та ситуация послужила мне уроком: улицы не прощают трусости и если ты не хочешь и дальше пугать родню гематомой под глазом, дорога тебе одна - в спорт. Именно поэтому я со слезами на глазах уговорил отца отдать меня в секцию сам-

бо, и через год боялся уже не я, а тот самый задира, что теперь и не помышлял устраивать мне темную. Даже шуточки по поводу моей худобы оставлял при себе - я был тощим, зато удар держать научился. А здесь...

- Горячий, - "спасибо" я даже не ждал. Какая уж тут благодарность?

- Подуть? - усмехаюсь и уже проворачиваю ключ в замке. Нельзя таких женщин подпускать к олигархам - заполучив свое, они утрачивают человеческий вид.

- Отличная идея, Бирюков, - и с чувством юмора у нее беда. Протягивает мне стакан, а я так люто хочу оторвать эту тонкую руку, что настойчиво пихает мне под нос кофейный напиток, с еле заметным дымком над белой молочной пенкой, что даже в жар бросает. Каждая клеточка тела наливается яростью, грозясь разорвать в клочья и мое окаменевшее тело и Щербакову, за истребление которой мир должен сказать мне спасибо.

О какой выдержке идет речь, когда позади тебя сидит монстр? Сверкает своими глазищами, высокомерно гуляя ими по моему посеревшему от злости лицу, еще и бровь приподнимает, кивая на бумажный стакан.

- Действуй.

Мне жаль, что к тридцати главному я так и не научился. Чтобы заставить меня слететь с катушек порою хватает мелочи.

- Ты что делаешь? - вот и начальница моя явно в недоуме-

нии - сидит с открытым ртом и даже не моргает, как завороженная следя за каждым моим действием. А мне плевать, что выплескивая добрую половину напитка на асфальт, я умудрился забрызгать брюки. Щедро доливаю минеральной воды в бумажный стакан и, резко развернувшись, вручаю его владелице:

- Пожалуйста, теплый, как парное молоко.

Уж не знаю, что она видит в моих глазах, но ошеломленного взгляда не отводит. Дышит тяжело, не порываясь забрать капучино из моих рук, и явно не замечает, как крупная капля соуса с аппетитного бургера падает на белоснежную ткань ее дорого платья. Боится?

- Пейте, - насильно впихиваю в похолодевшие пальцы напиток и даже не пытаюсь скрывать своей ярости. Этого она добивалась?

- Ты... ты...

- Придурок, - прихожу на выручку, ведь все ее красноречие куда-то улетучилось.

- Уволен.

Явно намеревается плеснуть в меня этой бурдой, что теперь вряд ли решится попробовать, и пронзительно вскрикивает, когда я, не слишком-то заботясь о ее чувствах, перехватываю женскую руку.

- Только попробуй, - цежу сквозь зубы, теперь и сам тяжело дыша.

- И что сделаешь? Ударишь девушку? - воинственно под-

бирается и облизывает пересохшие губы, а щеки уже идут красными пятнами. Храбрится, пытаясь ничем не выдать свой страх, вот только меня не обманешь.

- Девушку не стал бы. А тебя, пожалуй, отлуплю с легкостью. Даже совесть мучить не будет. Тебе полезно, чтобы в следующий раз думала, прежде чем что-то говорить.

- Да что ты? Учить меня будешь? Тридцатилетний неудачник? Теперь еще и безработный?

- А по-твоему не могу? Считаешь, что залезла в постель к олигарху и стала выше других? Ты эскортница, девочка. И если где-то и можешь командовать, так это в спальне. Что вряд ли, ведь даже там найдется способ заткнуть твой грязный рот.

Отталкиваю начальницу и разворачиваюсь к окну, на время прикрывая веки. Она невыносима: я повидал разных людей. Тех, что родились с золотой ложкой во рту, и тех, кто пахал как лошадь, зарабатывая на обеспеченную старость. И вот чего в них было в разы меньше, так это дерьма, что распирает Тихомировскую любовницу и выплескивается на окружающих. Беспричинно, лишь бы освободить место для очередной порции яда, иначе обладательница густой шевелюры и янтарных глаз непременно взорвется.

- Ты мне платье испортил! Так что расчета не жди! Вези меня домой и ставь машину в гараж. Отъездился ты, Бирюков! Руслан тебя в порошок сотрет!

Возможно, только это уже неважно. Я вновь все испортил.

Наверное, я просто не создан для подобной работы: эти ее круассаны, которые она демонстративно выбрасывает в урну всякий раз, стоит мне вручить ей бумажный пакет, надменность, которой пропитана каждая ее фраза, насмешки, словно мы чем-то с ней отличаемся - тот же наемный работник, только обязанности у нее другие. Хватит с меня, наелся по горло.

- Я хочу домой!

- Езжай, - все-таки, какая-то прелесть в потере работы есть: можно перестать скрывать свое истинное отношение и это опостылевшее “Юлия Константиновна” отставить подальше. Достаю из бардачка мелочевку и, сам поражаясь, как за неполные две недели умудрился заполнить его ерундой вроде мятных леденцов и нескольких пачек антибактериальных пластырей, и оборачиваюсь к девице, что теперь совсем непохожа на себя прежнюю.

- Счастливо оставаться.

- Эй! - едва я удаляюсь от автомобиля на пару шагов, кричит мне вслед Щербакова. - Я ведь водить не умею!

- Плевать, - руки в карманах, а на лице садистская улыбка. Я действительно получаю удовольствие от вида ее надутых губ, заалевших щек и перепачканного кофе платья. А стоит ей топнуть ножкой, и вовсе сбрасываю тяжелый груз с плеч. Нужно было уходить раньше. Такой оклад я вряд ли найду, но если потребуется, могу работать в две смены. Гордость превыше всего.

- Максим! - кажется, собирается идти за мной, но вовремя спохватившись, что принцессы вроде нее в таком неряшливом виде на люди не показываются, вновь открывает дверцу, пряча за ней испорченный наряд. Задирает голову к небу и рычит, сетуя на свою беспомощность.

Что делать, Юлия Константиновна? Испытывая чье-то терпение, нужно быть готовой к тому, что оно способно лопнуть как мыльный пузырь.

А те пожелания, что она бросает мне в спину, наплевав на приличия, я, пожалуй, прощу.

Глава 12

Парнишка, присланный агентством, порядком мне надоел: таращится в зеркало заднего вида, наверняка гадая, отчего девушка средь бела дня прибегла к услуге «трезвый водитель», и криво ухмыляется тому, как яростно я тру ткань своего платья. А мне уже не остановится - вожу салфеткой, желая избавить наряд от грязи, и проклинаю про себя этот день, который еще час назад обещал быть успешным.

- Я не пьяна, - не выдержав пристального внимания к собственной персоне, произношу довольно резко и очень надеюсь, что мой тон заставит его вспомнить о необходимости следить за дорогой.

Знаю, не он виноват в моей нервозности, но ничего поделать с собой я уже не могу. Бросаю десятую влажную салфетку на пол салона и обреченно вздыхаю - моему любимому платью из плотного трикотажа пришел конец. Гигантское пятно на бедре от пролитого кофе, жирный след от майонеза на груди - хороша львица, ничего не скажешь! Без пяти минут модель, а выгляжу ничуть не лучше, чем уличная попрошайка! А все из-за Бирюкова.

Он до чертиков меня напугал - даже Жору перещеголял, который не брезговал приструнить меня обещанием отходить армейским ремнем по заднице... А он мог, ведь Ярику дважды выпадала честь познакомиться с этим методом Го-

лубевского воспитания...

Вспоминаю, каким холодным стал воздух в салоне, стоило Максиму схватить меня за запястье, и тут же принимаюсь растирать плечи, прогоняя рой надоедливых мурашек.

Пусть катится. Ко всем чертям. Еще посмотрим, как он устроится на новом месте, после того, как я в красках опишу Тихомирову его выходку. Уверена, такого он ему с рук не спустит.

- Ты издеваешься? - словно почувствовав, как мне необходимо услышать его голос, Руслан разрывает мобильный настойчивым звонком. Только вряд ли ожидает такого приветствия... - Я уже перестала надеяться, что ты все-таки объявишься!

- Приятно осознавать, что ты скучала, - смеется как-то вяло и заходится кашлем.

- Безумно! У меня же нет мужа, с которым я бы могла коротать вечера, пока мой любовник решает вопросы бизнеса, - бросаю ехидно и не даю вставить ни слова, на корню обрывая его попытку хоть что-то мне объяснить. Сейчас на его отдых с женой мне плевать. - Я хочу, чтобы ты уволил Бирюкова!

- Вот как?

Я умею удивлять, не правда ли? Три дня не говорили, а вместо слезливых речей о тоске по его рукам, сразу заваливаю просьбами. Да что уж там! Это приказ, и если Руслан хотя бы немного мной дорожит, он просто обязан согласиться!

- Так и никак иначе! Он невыносим! Неотесан, не справляется с элементарными заданиями! Так что гони его в шею и нанимай другого. И пожалуйста, хоть раз, пришли ко мне нормального человека: старика, прыщавого студента, да даже женщину! Лишь бы не его!

- Ты меня удивляешь, Юлек, - нелепое обращение, к которому он прибегает нечасто. Разве что в спальне, когда мне удается поразить его воображение своими безудержными ласками. Неужели, и сам скучал? - За эти два года ты не похвалила ни одного водителя. Так что, не вижу проблемы. Максим опытный работник, обязанности свои выполняет исправно...

- Исправно? Он мне хамит! - мужчина, что крутит сейчас баранку моей Инфинити, даже вздрагивает от визга, на который я перехожу незаметно для самой себя.

- И неудивительно, - заставляет меня округлить глаза Тихомиров и продолжает как ни в чем не бывало. - Неприятно, конечно, но вполне ожидаемо. Именно поэтому я его и выбрал - устал слушать жалобы ребят на твои выходки. А этот спуску не даст, глядишь и свой пыл поумеришь!

Отлично! Его персонал перемывает мне кости? Взрослые мужики доносят на девушку, которая отнюдь не виновата в их никчемности: Дима Игнатов щедро поливается дешевыми духами, отчего в мороз я вынуждена открывать окно, еще и гоняет, как сумасшедший! За это стоит меня винить? Кто в здравом уме согласится на верную смерть от удушья? И есть

ли на свете хотя бы один человек, который мечтает, чтобы его отскребали от асфальта дорожные работники? Я натерла мозоль на языке, призывая Игнатова сбавить обороты! А Костров... с ним и так все понятно - он верный пес Светы, к чему тут объяснения?

- Тем более у меня совершенно нет времени искать ему замену...

- А придется, Руслан, потому что я только что отправила его восвояси!

- Юлька, - рычит, и вновь кашляет. Эпидемия, что ли, какая-то? То Хабибулин, теперь вот Тихомиров...

- Ты заболел? - я ведь не сухарь. Хмурюсь, растирая ноющие виски пальцами, и отворачиваюсь к окну, не зная, что меня заботит больше - его хрипы или странное нежелание идти у меня на поводу.

- Да. Ангина, так что в ближайшее время не жди. Залег я здесь на пару недель.

- Где залег?

- В больнице. Заодно и сердце проверю, а то ты все соки из меня выжала. И с Бирюковым вопрос решай - он у меня на особом счету. Из парня выйдет толк, если не оплошает.

- Так уже оплошал! Ты бы видел, что он сегодня устроил! Думала, в порошок сотрет, - может, слезы на него подействуют лучше? Мужчины они ведь такие - стоит услышать истеричные нотки в женском голосе, и уже тают, идя на уступку, лишь не подтирать сопли второй половинке... Или не поло-

винке вовсе, но разве это сейчас важно?

- Давай без драматических постановок? Делай, как я сказал - учись общаться с людьми, в жизни это умение тебе пригодится.

- А я и так коммуникабельная! - к любому подход найду, а способ значения не имеет! - Так что, раз для тебя норма позволять непонятно кому оскорблять твою женщину, то эту проблему я решу сама! Завтра же найму другого!

- Только попробуй и пересядешь на метро. Думаешь, я пущу за руль человека с улицы? Машине месяца нет...

- Так вот за что ты переживаешь? - прекрасно! Меня растоптали, унизили, а он печется о жестяной банке нелепой розовой окраски... Плевать на мои нервы, я же робот, снесу и издевки и обвинения в проституции!

- Не придирайся. Костров в отпуске, Игнатов ногу сломал, остальных я к тебе не подпущу. Молодые еще...

- А Бирюков, значит, старый? - ухмыляюсь и даже не думаю спрашивать о Диме - ему лет двадцать пять, но без слез на него не взглянешь, и чтобы броситься в объятия к этому тощему парнишке мне предварительно нужно лишиться рассудка.

- А Бирюков предупрежден и прекрасно знает, чем рискует. Так что приставать к тебе он точно не станет. И прекращай уже это баловство. Делай, как я говорю - парня верни или пользуйся услугами таксистов. На права сдашь и будешь сама себя на шопинг возить, а пока, прости, придется ко мне

прислушаться.

- Я согласна на такси, - говорю зло, уповая на небесную кару, что должна настигнуть моих обидчиков, и уже собираюсь положить трубку, но в этом ведь весь Руслан - всегда знает, как меня умаслить.

- Будь хорошей девочкой, Юля, - поет так нежно, что мне хочется опрокинуть в себя стакан воды. Или чего-то покрепче, лишь бы патока, которой сочится его голос, не заставляла меня брезгливо морщиться от несвойственной ему сладости.

- И сюрприз тебе обеспечен.

- Шуба? - раньше радовалась, а теперь интересуюсь без всякого азарта. Настроение ни то, да и мысль, что и жену он без подарка не оставил, лишь еще больше повергает меня в уныние.

- Лучше, Юлек. Намного...

***

Я бы к нему не пошла. Ни за что, если бы не таксисты с их неудобными креслами, местами прохудившимися, местами порванными неаккуратными клиентами. Да и торчать в кафе, ожидая, пока очередной бомбила домчится до торгового центра, за эти два дня мне опостылело. Согласна, срок небольшой, но терпеливостью я никогда не отличалась.

Переминаюсь с ноги на ногу, зябко ежась в прохладе мрачного подъезда, и никак не решаюсь нажать на кнопку дверного звонка. Терпеть не могу идти на поклон, но и лишаться дорогой безделушки не хочу - сиротливый вид ино-

марки, что каждое утро блестит от дождя в лучах пробуждающегося солнца, заставляет меня вздыхать, добавляя горечи во вкус и без того паршивого кофе.

- Ладно, - сжимаю руки в кулачки и набираю в грудь побольше воздуха. - Была, не была.

Кнопка поддается не сразу: уж не знаю, чем владелец квартиры насолил своим гостям, но кто-то явно неплохо потрудился, опалив пластмассу пламенем зажигалки.

Словно домой вернулась, честное слово! Моя одноклассница, что едва ли не с первой встречи невзлюбила меня за природное обаяние, расписав все стены оскорблениями в мой адрес, проделывала нечто подобное. Правда, бабушка вовремя прервала акт вандализма, и на память о завистливой школьнице осталось лишь черное пятно на побелке.

- Здравствуй, - вздрагиваю, за своими мыслями не сразу заметив, что Максим Бирюков уже стоит на пороге, придерживая дверь рукой, и теперь стараюсь приветливо улыбаться, словно его хмурый вид не заставляет меня паниковать. А вдруг прибьет? Трудовым договором он больше не связан и волен вести себя как вздумается...

- Я помешала? - обнаженный мужской торс и капельки пота на крепкой груди теперь вряд ли сотрутся из моей памяти. Руслан, конечно, за собой следит, но возраст берет свое и до молодого поджарого водителя ему далеко...

- Очень, - мужчина намеренно делает шаг в сторону, закрывая мне обзор на убогую комнату за своей спиной, и, опе-

ревшись о дверной косяк, невозмутимо глядит на меня из-под лезущей в глаза челки. Обычно волосы его уложены назад, пусть и не идеально, но таким растрепанным мне видеть его в новинку. - Что надо?

- Соскучилась, - кокетливо хлопаю ресницами, но мой магнетизм на этого человека не действует. Поэтому и стираю притворную улыбку с лица, деловито складывая руки на груди. - Ладно, я по делу. Возвращайся.

Здесь и так тесно - на лестничной клетке лишь две квартиры, а стоит мне произнести эту просьбу вслух, стены и вовсе сжимаются, грозясь не оставить от меня мокрого места. Душно. И «ароматы» забытого богом подъезда старенькой многоэтажки теперь ощущаются острее - под этим насмешливым взглядом, что теперь не выпускает меня из своего плена...

- Неужели желающих проводить с тобой время так и не нашлось?

- Толпа. Но Тихомиров с чего-то решил, что ты больше других мне подходишь. Так что, завтра можешь приступать к обязанностям. У меня что-то вроде репетиции, так что ты должен быть у подъезда к восьми. И оденься посолиднее: девицы там те еще пираньи, так что поработаешь еще и охранником. Не опаздывай, - разворачиваюсь на каблуках, тряхнув волосами, и почти касаюсь грязных перил, в последний момент одергивая руку. Антисанитария налицо, здесь только ленивый не справлял нужду - смрадный запах грозится

впитаться в мою одежду, если я задержусь здесь хотя бы на минуту.

- Я не приеду.

От удивления, я все-таки опускаю ладонь на потертую деревяшку, местами сохранившую зеленую краску. Вновь разворачиваюсь к Бирюкову, в недоумении приоткрывая рот, но искать антибактериальный гель в сумочке не забываю.

- Тебя слишком много, до сих пор не могу избавиться от твоего писка, засевшего в моей голове. Так что я пас - еще пара дней рядом и я за себя не ручаюсь.

- Писка?! - холодная масса шлепает на руку из прозрачного флакона, и мне бы хорошенько втереть его в кожу, а я вместо этого стою как статуя. - Ты обнаглел, Бирюков? Забыл, с кем говоришь? Тем более что ты и сам не ангел!

- Я помню, кто ты, - все-таки сегодня он выглядит иначе: волосы в беспорядке, глаза ледяные, а на щеках небольшая небритость. И эти вены на руках (моя слабость, не стану скрывать) проступают сильнее стоит ему оттолкнуться от косяка и привести в движение широкие плечи. Красив! Как животное перед броском на загнанную и выбившуюся из сил жертву.

- Выскочка, которая вынуждена ехать к черту на кулички, чтобы унижаться перед безработным неудачником. Что, не все так сказочно, как тебе казалось? Полномочий набирать штат тебе так и не дали? Понимаю, уж такова наша участь.

- Наша?

- Ну да, простых трудяг.

Растягивает губы в улыбке и нарочито медленно скользит своим взором по моему телу, не намекая, а буквально крича, что именно им я и зарабатываю на жизнь. Простая кукла, которую никогда не усадят за один стол с уважаемыми людьми.

Нет уж, больше я рядом с ним не останусь! Хоть метро, хоть пешком... Без разницы! После таких вот высказываний дышать с ним одним воздухом нестерпимо. Подхожу ближе, улавливая запах пота и геля душа, и задираю голову, тут же встречая ненавистный взгляд черных глаз.

- Чертов болван!

- Не трогает, - Максим даже головой качает, демонстрируя, что слова мои его не задевают. - И если уж на то пошло, тактику ты выбрала неправильную. Стоило бы извиниться, прежде чем раздавать указания. Только покаяться нужно хорошенько, чтобы я всерьез поверил в твое прозрение.

- Извиниться? Перед тобой? - смеюсь, тыча пальцем в его грудь. - Ты не в себе?

- Ну, так уж заведено, когда ведешь себя неправильно, следует попросить прощения.

- Ты назвал меня эскортницей! И если кому и стоило бы извиниться, так это тебе!

- А ты стесняешься своей профессии? Мне казалось, тебя трудно чем-то смутить, - забудьте о красоте, ей и в помине не пахнет! Так бы и съездила по этой наглой физиономии, чтобы он навеки забыл об улыбке.

- Пошел ты, Бирюков! И о работе можешь забыть.

- Где-то я это уже слышал. И, поправь меня, если я ошибаюсь, но это ты пришла звать меня обратно.

- Погорячилась. Решила дать тебе второй шанс, но теперь понимаю, что это глупо. Иди-ка ты в грузчики, там тебе самое место! - наверняка краснею и от насмешки в его словах, и от отказа, к которому вряд ли была готова.

Хочу убраться отсюда подальше, оттого и разворачиваюсь на каблуках так резко, что лишь чудом удерживаюсь на ногах. Мы с ним действительно не уживемся: либо он высадит меня в лесу, позволив диким зверям обглодать мои кости, либо я перережу ему горло своими острыми ногтями.

- Ну, как хотите! - кричит мне вслед это чудовище, теперь посмеиваясь открыто. - И вам, и тому «счастливчику», что вы возьмете на мое место! Но, если придется совсем туго, обращайтесь. Всего одно слово и я готов к диалогу.

- Не дождешься! - кричу, задрав голову вверх, но Бирюкова и след простыл. Тем лучше, верно? А с Русланом я разберусь - отпуск у Кострова не вечный, и кости Димы Игнатова наверняка срастутся.

Глава 13

Утро,когда твоя жизнь пойдет под откос, обычно ничем не примечательно. Одно из вереницы дней, что ты оставила за своей спиной. Разве что начнется оно резко, оборвет твой сон так внезапно, что тебе не сразу удастся отличить мир фантазий от суровой действительности.

Мне вот снился наш двор: Ленка на дереве, и я стою на земле, никак не соглашаясь взобраться наверх. Запрокидываю голову, наблюдая за девчонкой, что уже устроилась на толстой ветке, и то и дело отбрасываю с лица пряди, что надоедливый ветер безжалостно теребит. Я медлю, хотя никогда не отличалась малодушием и первой карабкалась на самую высокую иву, что росла под окном моей спальни, а подруга забрасывает меня шишками, и смех ее разливается на всю округу - звонкий, заливистый, такой, каким способен порадовать слух только ребенок.

- Юля, - сейчас же в голосе у нее паника, того и гляди, расплачется. Еще не знаю, что она хочет мне сказать, а внутри уже завязывается тугой узел беспокойства - в начале пятого она никогда мне не звонила.

В комнате до сих пор темно, и я неловко шарю рукой по прикроватной тумбе, смахивая на пол обертки от шоколадных конфет, которыми заедала стресс после разговора с Бирюковым. Еще немного и я не влезу в платье, выбранное той

самой Ануфриевой, что через несколько часов станет гонять меня по подиуму, как делала это накануне. Щелкаю выключателем и жмурюсь от бьющего в лицо света ночника.

- Юлька!

- Я здесь, - потираю лоб, заводя назад растрепавшиеся волосы. - Чего звонишь в такую рань?

- Беда у нас, Юль!

Я больше не двигаюсь - так и лежу, прикрывая глаза ладонью. Она застала меня врасплох, оттого и не могу вздохнуть, парализованная страшным предчувствием...

- Мама твоя, - Соколова шмыгает носом, а я так резко сажусь на кровати, что перед взором расплывается липкая темень, мгновенно сменяемая миллиардами слепящих мушек. И сама не знаю, хочу ли услышать продолжение, поэтому не подгоняю подругу детства. - Весь двор на ушах стоит. Тут и милиция и скорая... Тетю Лиду в больницу забрали - уж не знаю, что к чему, но соседи ваши говорят, что она совсем плоха.

Произносит и теперь шумно дышит в трубку, не оставляя мне сомнений, что в эту самую минуту она обливается горючими слезами. Жалеет мою мать, в то время как я не могу собраться с мыслями...

- Жора? - зачем, вообще, спрашиваю, если заранее знаю ответ? Растираю плечи, возвращая на место тонкую бретельку шелковой сорочки, и останавливаюсь только тогда, когда кожу начинает саднить - перекрутившееся на пальце кольцо

с крупным фианитом, доставшееся мне от бабушки, царапает руку, оставляя после себя еле заметные розовые полосы.

Что я чувствую? Черт его разбери... Я к их дракам привыкла, поэтому вряд ли удивляюсь узнав, что с годами их поединки стали лишь безжалостнее и беспощадней.

- А кто еще? Говорят, вечером домой на рогах пришел, а тетя Лида его бутылку спрятала. Вот он и закатил скандал среди ночи - магазины закрыты, а она водку отдавать отказалась.

- И что теперь? - ступаю на холодный пол и зябну еще больше - если днем в городе стоит жара, то по ночам москвичам позволено выдохнуть - то дождь, под шум которого я так люблю засыпать, то ветерок, что сейчас гуляет по комнатам, колыша тонкие занавески.

- Теперь, говорят, сядет. И, возможно, надолго...- от того, каким испуганным голосом Соколова заканчивает эту фразу, у меня подкашиваются колени...

- Мама умрет? - спрашиваю так тихо, что удивляюсь, когда каким-то чудом расслышавшая мой вопрос Ленка тяжко вздыхает:

- Не знаю, Юль...

Вот так мне открывается истина - я еще не утратила способность переживать за нее. Отстранилась, загнала подальше воспоминания, почти забыла как она выглядит, ведь чем больше я тонула в своей ненависти, тем размытие становился ее образ... А стоило мне представить, что завтра мама моя

не проснется, ком в горле напрочь перекрыл кислород. Опираюсь на журнальный столик, привалившись к стене, и так крепко сжимаю в руке мобильный, что не удивлюсь, если корпус его рассыплется в мелкую крошку...

- Юль, - сквозь вату доносится родной голос, только вымолвить хоть что-то, у меня нет сил. - Юлька! Нужно что-то с детьми решать... Я их пока к себе забрала, но ты ведь знаешь, что у меня на носу свадьба. Да и соцслужбы наверняка нагрянут - кто знает, как долго тетю Лиду в больнице продержат? Приезжай, пожалуйста! У них ведь кроме тебя никого...

Никого. Только есть ли от меня толк?

Сбрасываю звонок, сползая по стене, и обнимаю колени, раз за разом ударяясь макушкой о выкрашенный в цвет оливы бетон. Не знаю я, что мне делать? Не знаю, хватит ли мне сил вернуться в прошлое: вновь взглянуть в глаза сестрам, услышать парочку колких фразочек от Рыжего и вновь столкнуться лицом к лицу с матерью... Я привыкла без них - без них я сильнее, сама решаю как жить и вовсе не переживаю о том, что пришлась им не к месту. И если быть честной, могу вернуться в постель и, спрятавшись с головой под одеялом, заставить себя перевернуть и эту страницу. Какое мне дело до социальных служб?

И пожалуй, я так бы и сделала, если бы сердце мое не колотилось, как бешеное, о ребра... Вновь включаю смартфон, без труда отыскивая нужный сайт, а через минуту уже зло

отбрасываю его в сторону. Ближайший поезд лишь завтра днем.

Максим.

Я обожаю утренние пробежки. Благодаря неугомонным соседям, мои биологические часы теперь работают исправно, на зависть самым именитым маркам... Едва стрелки сходятся на пяти, я уже отбрасываю на пол одеяло, потягиваюсь и спрыгиваю со скрипучего дивана, на ходу срывая с дверки шкафа банное полотенце.

Работу я так и не нашел, поэтому последние пару дней только и делаю, что нарезаю круги в парке, или вымещаю злость после очередного собеседования на ни в чем не повинную грушу.

Возможно, Щербакова права, и место мне на вокзале: не зря же я так истязаю тело тренировками, можно и руками поработать, опустошая грузовые составы. Тем более что брать меня менеджером желающих пока не нашлось, а все мои связи в охранных агентствах оказались бесполезными - то ли Тихомиров постарался, то ли и впрямь, все приличные места до меня разобрали.

Подставляю лицо под холодные струи воды и ощущаю, как остатки дремоты смываются в канализацию. Скажете, я дурак, что не принял предложение Юли? Возможно, только ни к чему хорошему эта должность меня не приведет. Терпеть эту выскочку сил во мне не осталось. Один ее взгляд подобен ледяному душу, от которого конечности сводит судорогами,

а стоит ей только открыть свой рот - на смену покалываниям в пальцах приходит огонь, что клетка за клеткой выжигает меня изнутри, превращая в бездушного зверя. Не дай бог, и сам начну получать удовольствие от унижений - если вчера вечером я стыдился собственных фраз, то через неделю могу и полюбить такую манеру общения. Уж очень заманчива мысль увидеть вновь, как от моих едких слов девчонка впадает в бешенство.

- Какого черта? - быстро закрываю вентиль, поспешно стирая влагу с тела, и обматываю полотенце вокруг бедер, торопливо следуя в прихожую. Кого могло принести в такой час? У соседей сегодня на редкость тихо, так что встреча с участковым, который с завидной постоянностью посещает эту семейку, мне не грозит.

Щелкаю замком и застываю, в неверии воззрившись на гостью.

- Прости. Доволен? - удивленно разглядываю Юлю, набросившую на голову капюшон спортивной олимпийки, и даже не успеваю среагировать, невольно позволяя девчонке проскользнуть в квартиру.

- Оденься, - опирается на стену и сползает вниз, присаживаясь на корточки, и добавляет мягче, - пожалуйста.

Странная: непривычно любезная, тихая, без каблуков и кричащих нарядов... Словно произнесла все это и напрочь забыла о моем присутствии - теребит колечко на пальце, и ждет, только чего, непонятно...

- Пожалуйста, - слышу через минуту и больше не узнаю свою начальницу.

Закрываю входную дверь, не забывая придерживать полотенце, и, вдохнув, возвращаюсь в комнату, натягивая на себя первые попавшиеся штаны. Какого черта ее принесло? И откуда такое спокойствие? Разве не она уверяла, что этого «прости» мне от нее не видать?

- Мило, конечно, - ухмыляюсь, застыв в проходе, и теперь раскачиваюсь на пятках, гадая, как мне выпроводить столь раннего визитера. - Но могла бы и до утра потерпеть.

Половина шестого. Неужели всю ночь не спала, мучаясь угрызениями внезапно проснувшейся совести? Или настолько боится коллег по цеху, что без охраны в модельное агентство ни ногой? Бред. Такую ничем не напугаешь, и если ей и нужен охранник, то лишь для того, чтобы пустить окружающим пыль в глаза...

- Машина под окном, - словно и не слышала вовсе моей насмешки. Голос дрожит, а пальцы, что раз за разом проходятся по коленкам, подрагивают, и в попытке скрыть от меня волнение, она прячет их в карманы плюшевой олимпийки.

- Отвези меня один раз и ты волен делать все что хочешь. Я попрошу за тебя Руслана. Все что угодно: деньги, повышение или корпоративная квартира. Я слышала, что он предоставляет жилье некоторым работникам...

Теперь я могу ее разглядеть. И то, что я вижу, никак не вяжется с образом роковой искусительницы. Пустым взглядом

она исследует мебель, даже не морщится, останавливая его на накренившейся табуретке со сброшенными мной шортами, что сейчас свисают на пол. Мне и самому не по себе от условий, в которых я вынужден существовать, а уж ей... Где ликующий смех или гримаса отвращения?

- Так что? - лишь надежда в глазах, которые сейчас смотрят на меня не мигая. А я отчего-то вижу перед собой лишь ее раскрасневшиеся губы, которые она беспощадно терзает зубами.

Нет, вовсе не бредовая затея пощеголять по столичным улицам в компании телохранителя принесла ее на мой порог. Ради парочки завистливых взглядов она не стала бы так унижаться: не уселась бы на грязный пол, предварительно не вылив на него парочку тюбиков антибактериального геля, не глядела бы на меня так, словно я единственный, кто может сейчас ей помочь, и руки ее так не тряслись бы, когда она извлекала из кармана ключи...

- Мне больше некого попросить.

Уверен, к вечеру я пожалею о своем решении, а сейчас молча протягиваю ладонь и смыкаю пальцы на автомобильном брелоке. Что я теряю? Похоже, напротив, хорошее дело делаю, ведь явно не из-за поломки каблука ее взгляд наполнен слезами.

- Спасибо. И возьми с собой что-нибудь из одежды. На пару дней, не знаю, что ты там носишь. Шорты свои безобразные, пару футболок. Я буду внизу.

Глава 14

В детстве меня вывозили к морю лишь однажды. В семь лет. Отец тогда отправился в плаванье, вернуться из которого ему было не суждено, ведь вместо тугого кошелька он обзавелся любовью всей своей жизни, а мы бабским батальоном взяли курс на Анапу. Те два дня, что отделяли меня от песчаного пляжа и соленого воздуха курортного городка, я запомнила навсегда: пока другие дети носились по вагону, хвастаясь друг перед другом приобретенными на станциях игрушками, я не отлипала от закопченного окна, как заворожённая любуясь быстро сменяющимися за стеклом картинками.

Удивительно, разве нет? Сначала с открытым ртом изучаешь города-миллионники с их неоновыми вывесками на крупных гипермаркетах, машешь водителям, замершим на железнодорожном переезде, а уже через час гадаешь, живет ли кто-то в этих забытых богом деревеньках, крыши домов которых опасно накренились, а заборы давно завалились на разросшиеся кусты малины.

Тогда меня интересовало все. Я донимала бабушку вопросами, стараясь запомнить мудреные названия станций, а сейчас вряд ли скажу, как называлось село, что мы оставили позади минуту назад. С возрастом утрачиваешь способность восхищаться мелочами, так что ни редкие красивые пейза-

жи, ни ухоженные дачные поселки, меня не трогают.

Все это так непривычно: ухабистая дорога, леса с поломанными деревьями, старушки, что выставили на обочину банки с поспевшей клубникой и в ожидании покупателей нещадно лупят себя березовыми ветками, отмахиваясь от комаров... Словно дальше столицы мир поставлен на паузу - ни приличных дорог, ни домов, архитектурой которых ты могла бы восхититься... Лишь блеклые пятиэтажки да незадачливые фермеры, что к концу дня отдадут свой товар за бесценок любому, кто решит остановиться и скользнуть взглядом по их ассортименту...

- Осталось немного, - мы всю дорогу молчали, и слышать сейчас голос Бирюкова непривычно. Сегодня мне по нраву тишина, поэтому лишь киваю.

- Так куда дальше? До города рукой подать, может, адрес скажите?

Умеет он ставить меня в тупик - сначала своей безропотной капитуляцией, сейчас тем спокойствием, с которым задает свой вопрос. Впрочем, чего я ждала? Он меня пожалел. Нет-нет, да поглядывал на меня в зеркало, ошибочно полагая, что я не чувствую его внимательного взгляда, и несколько раз порывался о чем-то спросить, наверняка готовый тут же проявить себя во всей красе - герой, не иначе. Поверьте, начни я откровенничать, он бы даже о ненависти ко мне позабыл.

- Юлия Константиновна, - видите, вот и отчество произ-

носит без насмешки и недовольства. Еще вчера без всякой робости называл продажной, а стоило только увидеть, что я все-таки не железная, и сменил гнев на милость.

- Где вы живете?

- На Гагарина, дом восемнадцать, - после минутной заминки, все-таки отзываюсь я, и впервые за те четыре часа, что сижу на кожаном сиденье, позволяю себе прикрыть веки.

Уж лучше сначала к Ленке. Обнять хоть кого-то родного и отвлечься от мыслей, что атакуют мой мозг.

На что я, вообще, подписалась? Зачем запихивала вещи в чемодан, небрежно сминая дизайнерские тряпки? Зачем позволила себя убедить, что приехать сюда в такой момент правильно? Ведь все это чушь! Что я могу? Варить детям каши по утрам и относить в больницу куриный бульон? Бросьте, если я и решусь на подобное, то моя мать обречена преставиться от несварения желудка.

Я не создана для подвигов! Ничего не смыслю в таких вещах: что говорить, чем отвлекать малышню от мрачных мыслей, как, вообще, теперь к ним относиться? Отвыкла. Совершенно отвыкла от них, и зуб даю, что и они не горят восторгом от предстоящей встречи.

Едва автомобиль тормозит у знакомого подъезда, на меня накатывает паника. Вот вам и воин, лишенный принципов - не робею перед законной супругой своего любовника, зато от мысли, что от родни меня отделяет лишь деревянная дверь подъезда и два лестничных пролета, у меня поджилки

трясутся.

Наглухо застегиваю олимпийку, и делаю глубокий вдох - обратного пути уже нет. Зато есть масса вариантов решения проблемы - можно и няньку нанять, в конце концов! Да и кто знает, может, Лида уже через пару дней вернется домой!

- Через два дома есть небольшое кафе. Кормят, конечно, неважно, зато выпечка у них что надо, - извлекаю из кошелька несколько купюр и протягиваю их водителю. - Бери. Считай, что это командировочные.

Боже, и саму сейчас вырвет от этой любезности, но сказать что-нибудь гадкое теперь язык не поворачивается.

- У тебя час, а потом забросишь нас по другому адресу.

- Нас? - удивленный мужчина, что прячет сейчас в карман полученные деньги, с интересом оглядывает окрестности: цепляется взглядом за небольшую ржавую лодку, что уже лет пятнадцать стоит посреди детской площадки, и тепло улыбается, когда невысокий рыжий мальчишка, возомнивший себя капитаном, издает победный клич, вытянув перед собой руку с зажатой в ней деревянной палкой.

- Нас. Со мной будут дети, - не знаю, заметил ли он, как я помрачнела, но больше вопросов не задает.

Выбираюсь на улицу, пьянея от воздуха, что в родных местах всегда кажется особенным, и все же бреду к Ленкиной квартире. Ничего не меняется - стены некрашены, потолок почернел от сырости, а на подоконник без слез и не взглянешь, ведь только ленивый не тушил об него бычки.

- Приехала! - хоть что-то незыблемое доставляет мне радость. Все та же Соколова, с этими ее светлыми волосами, собранными в высокий хвост, аромат ванили, что я с упоением потягиваю, уткнувшись носом в ее плечо, и руки - теплые-теплые, ведь даже летом она цепляет на себя сто шкур, опасаясь воспаления горла. У нее проблемы с миндалинами, так что когда на носу свадьба, профилактика необходима.

- Как ты еще не сварилась? - дергаю ткань вязаного свитера и улыбаюсь шире, замечая теплые тапочки на ногах.

- А то ты меня не знаешь! Я и в Африке без носков на пол не ступлю, а что уж об этой дыре говорить? Господи, - пропуская меня в прихожую, Ленка с завистью исследует мой простенький наряд. - Как же ты хороша, Щербакова! Все-таки, неудивительно, что жизнь у тебя так удачно сложилась!

Правильнее говорить, складывалась. Что-то подсказывает мне, что моя полоса везения закончилась...

- Где они? - я игнорирую комплимент и перехожу на шепот, с опаской поглядывая на дверь, ведущую в гостиную. Уж лучше сразу в омут с головой, все эти заминки лишь расшатывают нервы.

- Спят. Ночь ведь какая сложная была. Как ты так быстро добралась? Поезд ведь только по вечерам идет?

- На машине, - отпихиваю под обувную лавку свои кроссовки и без приглашения следую в кухню.

С детства так повелось: ее дом - мой дом. И холодильник этот я открываю без зазрения совести - чего ждать, если по-

друга все равно предложит мне завтрак?

- Я кофе сейчас сварю. На плите каша. Повар из меня неважный, но есть вроде можно. Артем даже добавку просил. Устала? - суетливо роется в шкафах, пытаясь отыскать турку, а я уже шлепаю на тарелку густой комок манной крупы.

- Немного. Но даже не думай уложить меня в постель. Как только они проснутся, поедем домой. Вам и без нас забот хватает, вон бледная какая.

- Это все токсикоз. На три килограмма похудела - ничего кроме хлеба есть не могу. Тема говорит, что такими темпами в загсе он будет меня под лупой искать, - хихикает, и, наплевав на обещание, плескает мне в кружку чай. - Не знаю, куда он запрятал кофе.

Не люблю я этих встреч, когда все что вас связывает - воспоминания и телефонные звонки. В разговорах по видеосвязи могу без стеснения излить ей душу, а вот так, вживую, теряюсь, трясущейся рукой отправляя в рот первую ложку горячей каши. Уверена, это знакомо многим - как бы ты ни дорожил человеком, но расстояние неминуемо ведет вас к постепенному отвыканию.

- Изменилась ты, Юлька.

- Разве?

- Ага, - а Ленке вон хоть бы что. Подпирает подбородок ладошкой и не перестает светиться, какмедный пятак. - Красивая стала! Загляденье!

- Что значит стала? - возмущаюсь и теперь поддерживаю ее смех, беззлобно хлопая по ладошке. - Ухоженная, возможно, а все остальное без изменений. А вот ты, Ленка, и впрямь расцвела.

Волосы отрасли до поясницы, ресницы черные от рожденья, и я до сих пор не могу понять, откуда у природной блондинки такая роскошь? Мои без туши и не рассмотреть...

- А это любовь, Щербакова, чудеса творит! Как Артема встретила, так и похорошела - румянец, губы красные от поцелуев!

- Все так просто? Что же ты раньше молчала, я на гладкую кожу кучу денег потратила! - размазываю масло по мягкой булочке и закатываю глаза от удовольствия.

Вот чего мне не хватало в Столице - приличного хлеба, что хранится не больше двух дней и подается на прилавки еще теплым. С золотистой корочкой, хрустящей, если тебе повезло урвать свежую булку.

- Глупая! Я об этом тебе не один год твержу! А ты все обогащаешься. Молодость тратишь неизвестно на что.

- Неправда, я инвестирую в будущее. Обзаведусь жильем, подкоплю, тогда и о душе подумаю. А сейчас вон, и без любви проблем хватает - мне бы с семьей разобраться...

- А чего с нами разбираться? - вздрагиваю, слыша недовольный голос за своей спиной, и напрягаюсь, так и замерев над тарелкой. - Катись обратно в свою Москву, предательница!

Ярик. Ну что, добро пожаловать! И, да, транспарантов и воздушных шаров я не ждала.

Беру себя в руки и резко разворачиваюсь лицом к брату, вскрикивая от ужаса, что предстает перед моим взором. Ссадина на скуле, заплывший глаз и перепачканная кровью футболка, болтающаяся на его похудевшем теле. Куда я попала, черт меня подери?

- Что у тебя с лицом? - уже и забыла, когда в последний раз впадала в ступор. Капли густой каши стекают на тарелку с ложки, что подрагивает в моей руке, а пальцы уже не чувствуют жара нагревшейся чашки, которую я машинально обхватываю.

- Перекосило, когда я тебя увидел, - язвит подросток и, нахально потеснив добродушную хозяйку, занимает ее стул, устраиваясь аккурат напротив меня. - Зачем приехала? Тебе же до нас дела нет! Посмеяться?

Боже! Ему пятнадцать через месяц, а выглядит куда старше. Хмурый и бледный, и вовсе не из-за того, что кожа его не воспринимает загар. От злости, что плещется на дне его зеленых глаз...

- Боюсь, приятного в этом зрелище мало, так что мне не до смеха. Кто тебя так отходил? Парни дворовские или твой обожаемый Жора?

Теперь пришло время пылать гневом мне: невоспитанный парнишка, что и в двенадцать - то добродушием не отличался, едва ли не рычит и отправляет в меня смятую салфетку.

Прямиком в лоб - не больно, но унизительно. Еще не хватало терпеть от него подобное!

Все-таки люди врут, первая мысль - она неверная. Глупая, навеянная эмоциями, и теперь я уверена, что решение приехать сюда было самой большой ошибкой.

Встаю, предварительно отодвинув свой завтрак, и надвигаюсь на Рыжего, что, немедля, выпрямляется по струнке, с вызовом приподнимая подбородок - больше его не пугают ни мои предупреждения, ни полотенце, что я хватаю, желая хорошенько отделать эту выскочку.

- Побольше любезности, мелкий. Теперь я тебе мама и папа в одном флаконе.

- П-ф-ф, мама! Нашлась тут, заступница! О семье вспомнила! - смахивает со лба кучерявую челку и тычет мне в грудь своим пальцем - все таким же длинным и тощим. - Нужны мы тебе, конечно! Три года не вспоминала, а тут вдруг нарисовалась! А нас спросить не хочешь?

Он плакать, что ли, собрался? Краснеет, все так же ярко, как в детстве, и сжимает губы в тонкую линию... Он прав, да? Только стоит оговориться: ушла я вовсе не по своей воле! И разве не он светился от счастья, когда я волокла к двери свои котомки? Не он ликовал, наблюдая за моей сгорбившейся под дождем фигурой?

- Смешной ты, Ярик, - вспоминаю тот день, и чувство вины улетучивается, сменяемое стойкой убежденностью, что им я ничего не должна. - Еще скажи, что скучал! Фотки мои

разглядывал, слезами обливался...

Ленка дергает меня за рукав, а я уже не могу остановиться. Что делать, характер такой, если уж разбудили вулкан, будьте готовы к потоку лавы.

- Молчишь? - насмехаюсь и заботливо ковыряю ногтем бурое пятно на его футболке. - Вот видишь, не я здесь предатель. А вы, что плевать хотели на то, как я выживаю в Москве. Что, мягкая у меня кровать?

Мальчишка тяжело дышит, не находясь с ответом, а я ласково пропускаю рыжие кудри через свои пальцы. Отряхиваю ладошки и как ни в чем не бывало возвращаюсь на свой стул. То-то же. Мал еще в поединки со мной вступать.

- И да, если рядом со мной ты находиться не можешь, могу подбросить до детского дома. Переждешь там, пока твоя мама встанет на ноги. Хотя я бы не советовала - тебе второй глаз беречь надо. Видок у тебя тот еще.

- Юлька! - одновременно с тем, как брат хлопает дверью, подруга возмущенно вперяет в меня свой взгляд.

Плевать. Еще немного и это станет моим девизом по жизни.

- Он ведь ребенок совсем! У него на глазах маму чуть не убили, а ты на него нападаешь!

- Разве? По-моему, это он начал, - набираю на ложку остывшую неаппетитную манку, но Соколова нагло вырывает тарелку из-под моего носа. Ясно. Поесть спокойно в этом доме мне не дадут.

***

Когда Ярослав только родился и единственное, что мне позволяли - любоваться закутанным в пеленки кричащим комком, я только и делала, что представляла, как буду возиться с ним, когда он чуть-чуть подрастет. Трясти погремушкой перед несмышленым бегающим взглядом младенца было моим любимым занятием. Да, в соседстве с новорожденным приятного мало - крики среди ночи, они же днем, когда тебе хочется в тишине посмотреть любимый мультик - но я по-своему его любила. Кто из девчонок не мечтает о брате? Пусть и не старшем, но все же...

А теперь от любви ничего не осталось - смотрю на конопатого парнишку, устроившегося на диване, и отчетливо понимаю - он мне чужой. Такой далекий, что пропасть между нами уже не преодолеть: ничего не знаю о его увлечениях, о том, как он жил, о чем, вообще, мечтает. Это неправильно, недопустимо в нормальных семьях и так ожидаемо, когда речь заходит о нас.

Кресло отзывается скрипом, когда я с тяжким вдохом, опускаюсь на протертую сидушку, но реакции ни на этот звук, ни на мой призыв повернуться так и не следует. Мне не стоило рождаться женщиной - я слишком топорная, слишком прямолинейная, и слишком неотесанная...

- Я была неправа. И если тебе от этого станет легче, мне сейчас очень стыдно.

В ответ тишина. Только позу меняет, и теперь любоваться

мне предстоит его спиной.

- Думаешь, мне легко? Я и сама не знаю, что дальше делать со всем этим.

- Уезжай и забудь, три года у тебя это хорошо получалось, - хоть что-то. Может, еще не все потерянно? Может, сумеем договориться и не будем усложнять друг другу жизнь, пока я не решу, как быть дальше? Никто ведь не просит нас наверстывать упущенное - потерпим друг друга без всех этих задушевных разговоров и вылитых на головы обид?

- Не могу. Ты и сам это понимаешь. Я не знаю, что делают в таких случаях компетентные органы, но не сомневаюсь, что школьнику заботиться о малышах не позволят.

- А тебе-то что? Ты ведь даже их не узнаешь. А они тебя. Айгуль три дня температурила, когда ты ушла. Маленькая, ей ведь не объяснишь, что сестра больше знать ее не хочет.

Теперь мне больно, ведь образ девчушки с нелепыми бантиками на голове мгновенно всплывает в памяти. Она единственная, кто ходила за мной хвостом: кофты мои на себя надевала, в которых передвигаться-то толком не могла - они свисали до пят и постоянно норовили свалиться с худенький детских плеч. А эти ее набеги на мою косметичку? Сколько помад она переломала? Боже, а я ведь ни разу на нее не прикрикнула. Позволяла ей спать со мной, пусть и сама не высыпалась, ведь дети вовсе не думают о комфорте других, разваливаясь на постели в позе морской звезды...

Айгуль всегда была для меня особенной. Единственной

незаживающей раной на моем очерствевшем сердце, ведь расставание с ней мне далось нелегко.

- Мне не плевать, - признаюсь и больше не пытаюсь противиться собственным ощущениям. Да, меня злит эта вынужденная поездка, этот подросток, что винит меня в грехах матери, этот водитель, не скрывающий сочувствия. Раздражает, но позволить и без того несчастной ребятне столкнуться с прелестями жизни в приюте я не позволю.

- Давай просто не будем друг другу мешать. Я обещаю приглядывать за вами, а ты просто... Просто не усложняй, ладно? Ненавидь, презирай, но не мешай мне хоть раз в жизни сделать что-то хорошее.

Опять это молчание. Сглатываю ком в горле и нервно заламываю пальцы, сверля глазами притихшего паренька. И, правда, совсем нетолстый. Я многое пропустила, и очень хочу верить, что вес он сбросил благодаря любви к спорту. Мы всегда жили небогато, но голодать не приходилось...

- А мама? - вздрагиваю, то ли от мольбы в голосе, то ли от этого слова, что он произносит так нежно. Я вот так не умею. - Ей ты поможешь?

- Я ведь не врач...

- Но ты богачка! Я видел тачку, на которой ты приехала. Она ведь твоя, в городе таких нет.

Отлично. Он шпионит за мной? Специально проснулся пораньше и занял пост у окна?

- Ей ведь лекарства будут нужны. Или доктора хорошие.

Ты ведь ее не бросишь?

Хороший вопрос, если учесть, что со мной она сделала именно это. Только на такую месть даже я не решусь.

- Нет, конечно, - натянуто улыбаюсь, запрещая себе ляпнуть сейчас очередную гадость. Мне ее смерть не на руку: кто-то ведь должен их растить. У меня на ближайшее б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.